

Фарид Джасим

КВАНТОВЫЙ МОСТ

Фарид Джасим

Квантовый мост

«Автор»

2020

Джасим Ф.

Квантовый мост / Ф. Джасим — «Автор», 2020

Врач-сомнолог Инга Вяземская сталкивается со страшным и необъяснимым феноменом: несколько человек мучаются кошмарными сновидениями, во время которых умирают вследствие инфаркта. Всем жертвам снится одна и та же вызывающая ужас фигура. На этом фоне с Ингой устанавливает контакт представитель иной цивилизации, отчаянно нуждающейся в помощи – загадочная сила угрожает существованию соседней Вселенной. Череду трагических происшествий привлекает внимание спецслужб. В результате Инга, вопреки своей воле, оказывается втянутой в жестокую игру западных и российских разведок. В дополнение ко всему в личной жизни героини происходит серьезная неприятность: ребенка изымает служба опеки. На плечи одинокой хрупкой женщины ложатся непосильные задачи: не только разрешить загадку смертельных сновидений, но и вырваться из лап спецслужб, вернуть ребенка и спасти иную Вселенную. Как добиться успеха, когда против тебя весь мир – не только свой, но и чужой?

© Джасим Ф., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава первая. ФАЗА БЫСТРОГО СНА	6
Глава вторая. СТРАШНАЯ БУКВА	25
Глава третья. НЕСТРАШНЫЙ КОШМАР	46
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Фарид Джасим

Квантовый мост

Мы – это космос, который стал сознательным, а жизнь —
это способ, которым вселенная познает саму себя.

Брайан Кокс

Невозможно решить проблему на том же уровне сознания,
на котором она возникла.

Альберт Эйнштейн

Глава первая. ФАЗА БЫСТРОГО СНА

Санкт-Петербург, 14 сентября 2020г.

1

Вибрация телефона зазвучала в ночной тиши как рев реактивного двигателя. Инга вздрогнула, с трудом разлепила веки. Взгляд уперся в электронные часы-радио, мутные голубые пятна поплыли и сложились в цифры 2:44. Инга протянула руку, нащупала на прикроватной тумбочке дребезжащий аппарат.

– Черт... – проворчала она сонно, глядя на экран, с которого улыбалось круглое лицо лаборанта. – Какого хрена...

Приняла вызов, приложила мобильный к уху.

– Да, Дима, слушаю, – сказала она. Голос хрипел сильнее, чем всегда.

– Инга Юрьевна, я разбудил, наверное? – послышался в динамике знакомый басок, обычно веселый, но теперь встревоженный, даже испуганный.

– А как ты думаешь? Не тяни, говори, что стряслось?

– Простите, что поздно. В лаборатории ЧП. Буковский...

– Что с ним? – Инга подскочила, отбросила одеяло.

– Он того... ну... умер, – даже сквозь динамик было слышно, как лаборант судорожно сглатывает.

– Умер?!

– Только что обнаружили, – голос срывался от волнения, – дежурная медсестра все видела на мониторах в операторской. Побежала в палату, а там... короче, она потеряла сознание.

Инга почувствовала, как сердце понеслось вскачь. Решила спросить прямо:

– Что с ним? От чего смерть?

– Самоубийство.

– О господи!

Естественно, самоубийство! С чего бы еще не старому и в целом здоровому человеку, который не жаловался ни на что, кроме нарушений сна и ночных кошмаров, взять и умереть?

– Вызвали полицию, будут с минуты на минуту, – продолжал доклад лаборант, – и скорая на подходе.

– Я еду, – сообщила Инга, вскакивая с кровати. Происшествие из ряда вон, да еще в ее лаборатории, не приехать она не могла.

– Инга Юрьевна... э-э... – Дмитрий замялся, заблеял нерешительно, но потом выдавил: – Только... постарайтесь не волноваться.

– То есть? – опешила Инга.

– Я был в палате, там ужасно, просто невероятное что-то! Алена до сих пор в обмороке... Буковский выглядит – жуть. Вы хоть и руководитель, но...

Инга кашлянула, ответила твердо, добавив в голос жесткости:

– Значит так, Дима, за меня не волнуйся, уж как-нибудь справлюсь.

– Но вы не понима...

Инга нажала на красную кнопку отбоя, раздраженно швырнула телефон на кровать и отправилась в ванную.

2

Голубая тойота мчала по пустынным петербургским улицам, игнорируя ограничения скорости и дорожную разметку. Проблем с гаишниками не хотелось, но Инга была не в силах медлить. Нога сама собой вдавливала педаль газа чуть ли не до упора, узкие ладони сжимали мертвой хваткой руль. Благо жила она недалеко от места работы – на улице Бабушкина, – и дорога не заняла много времени.

Припарковав машину на своем обычном месте, Инга заглушила мотор, салон наполнился мягким серебристым светом. Она облегченно выдохнула: добралась без происшествий. Вылетела из машины и заспешила ко входу в главный корпус.

Здание Петербургского института психиатрии и неврологии темнело меж раскидистых ветвей лип и кленов, едва видимое в сумраке. Сентябрьская ночь выдалась прохладная, но безветренная. Инга собиралась второпях, и легкая осенняя куртка осталась висеть в прихожей. Воздух щекотал ноздри свежестью, бодрил, выветривал из головы последние остатки сонливости.

Засунув руки в карманы джинсов и широко зевая, женщина стремительным шагом приближалась к служебному входу, ежась от пробирающего холода, от которого не спасала летняя футболка. Издалека Инга заметила у двери людей, услышала взволнованные голоса, но не увидела никаких мигалок. Или полиция у нас слишком медлительная, или я ехала слишком быстро, думала она, пока приближалась к трем мужчинам.

– Здравствуйте, Инга Юрьевна! – почти хором поприветствовали они.

Все трое хмуро пыхтели сигаретами. Лаборант Дмитрий Мирошниченко – насупленный и угрюмый – затягивался часто и глубоко.

Инга подошла, встала рядом, окинула строгим взглядом сотрудников. Пришлось задрать голову: мужчины возвышались над ней, словно великаны, хотя по общепринятым меркам высоким ростом не отличались. Мелькнула мысль попросить сигарету – свои остались в кармане куртки, – но решила не терять времени и шагнула к двери.

– Лучше не стоит, – мрачно бросил лаборант, избегая смотреть в глаза.

– Да, Инга Юрьевна, там такое... – поддержал Виктор Веняминов, научный сотрудник, пол-лица которого скрывала косматая русая борода.

Руководитель лаборатории сжала кулаки, сделала глубокий вдох, давя вспышку гнева. Не в ее правилах было орать на сотрудников, потому что просто жестко отрезала:

– Разрешение мне не требуется! Как и советы.

Ее хриплый голос и строгий начальственный тон диссонировали с невысоким ростом и хрупкой, миниатюрной фигурой. Дмитрий пожал плечами и развел руками, адресуя жест коллегам, словно хотел сказать: сделал все, что мог. Инга рывком распахнула дверь и переступила порог. Лаборант бросил недокуренную сигарету на землю, растоптал и молча последовал за начальницей.

Путь в лабораторию сна не занял много времени: четыре лестничных пролета и длинный коридор. Пока шли, Инга невольно задумалась о туманных предостережениях сотрудников. Ноги мерно пересчитывали обшарпанные ступени лестницы. Интересно, что за зрелище ожидает ее в палате Буковского? Неужели тот пронес с собой пистолет? Или вскрыл вены лезвием бритвы? О мотивах оставалось лишь гадать; маловероятно, что у психически здорового и уравновешенного человека причиной самоубийства оказалось нарушение сна, пусть даже столь необычное. Мало ли, почему бизнесмен может решить свести счеты с жизнью? И вообще, это дело полиции, а не Института психиатрии и неврологии.

В коридоре висела тишина, которую иначе как зловещей не назовешь. Приглушенный свет потолочных ламп играл бликами на хромированных рамках с заключенными в них порт-

ретами, которые украшали свежавыкрашенные белые стены коридора. С портретов задумчиво взирали всемирно известные психологи и неврологи. Выстланный ковровым полом слегка пружинил под ногами и заглушал шаги.

Наконец Инга и Дмитрий остановились перед дверью с цифрой девять. Лаборант кашлянул, собрался что-то сказать, но женщина предупреждающе подняла руку, и он замолк, проглотив очередное увещание. Инга взялась за металлическую ручку и на мгновение прислушалась к собственным ощущениям – с удивлением отметила, что не испытывает страха. Она распахнула дверь и вошла в палату.

Первое впечатление от увиденного было – изощренный розыгрыш, стеб. Не верилось, что такое может случиться с настоящим, живым человеком. Зажав рот ладонью, она сдержала рвотный позыв: в палате висел тошнотворный смрад от луж крови. Затем шагнула к кровати, осторожно переступая через темно-алые потеки.

Палата, хоть и называлась «люкс», большими размерами не отличалась; разница с обычными состояла скорее в качестве мебели и уровне сервиса, входившего в цену лечения. Широкая полутораспальная кровать занимала большую часть помещения, почти все оставшееся пространство делили между собой письменный стол со стулом и глубокое кресло с торшером. Еще утром, когда Инга беседовала с пациентом последний раз, все сияло чистотой и радовало глаз безупречным порядком. Но сейчас стены у кровати представляли собой страшное зрелище: в нескольких местах глубокие царапины из четырех параллельных полос, россыпь кровавых брызг, алые отпечатки ладоней. Однако то, как выглядел лежащий на спине пациент, заставило Ингу вздрогнуть и покачнуться.

У Буковского не было лица. Содранные лоскуты плоти свисали, обнажая белые кости черепа, разорванные щеки демонстрировали ровные ряды зубов, выдавленные глаза сползли на виски, а пустые глазницы зияли темно-бардовыми дырами. Горло было разорвано в клочья, трубки трахей и артерий влажно поблескивали в ярком свете потолочной лампы. В широкой ране на горле застыли кисти рук, окровавленных по самые локти. Некогда белое постельное белье стало темно-красным, а гарнитура электроэнцефалографа плавала в луже крови на полу.

– Инга Юрьевна, я предупреждал... – послышалось тихое из-за спины.

Инга, не отрывая глаз от жуткого зрелища, хрипло произнесла:

– Дима, напомни-ка, во сколько Алена обнаружила... это?

– Минут за пятнадцать-двадцать до того, как я вам позвонил.

– Смерть наступила во сне?

– Да, он заснул как обычно, примерно в одиннадцать. Мы запустили процесс полисомнографии точно по инструкции.

– Камера видеонаблюдения?

– Работала в штатном режиме.

Инга наконец отвернулась от истерзанного трупa. Хотелось поскорее покинуть зловонное помещение, да и пора – в окне показались красно-синие проблески полицейских маячков.

– Ступай в операторскую, – обратилась она к лаборанту, – и сделай копии всех обследований Буковского в нашей лаборатории. Данные с ЭЭГ и другие замеры сбрось на флешку вместе с записью камеры наблюдения. Подготовь две копии – одну для полиции, другую мне.

Мирошниченко молча кивал, запоминая распоряжения, а при последнем взглянул на доктора вопросительно, в голубых глазах промелькнуло недоумение.

– Случай неординарный, – пояснила она, – а исход – тем более. Хотела бы изучить материалы повнимательнее дома на досуге.

– Конечно, Инга Юрьевна, сейчас все сделаю.

Лаборант умчался в операторскую, а Инга вышла из палаты и плотно притворила за собой дверь. Немедленно проверила обувь, но следов крови на подошвах не обнаружила.

В коридоре она сделала несколько глубоких вдохов, прочищая загаженные смрадом легкие. Ужасная картина по-прежнему стояла перед внутренним взором, словно намертво отпечатавшись на сетчатке глаз. В желудке ворочалась тяжелой глыбой тошнота.

Со стороны лестницы слышались громкие голоса, топот, шорох и шуршание радиоэфира в рации. Похоже, предстоит долгий разговор с полицейскими. Инга решила прежде завернуть в уборную, освежиться и привести себя в порядок. Страшно хотелось пить.

3

Стоя перед широким во всю стену зеркалом в дамской комнате, Инга рассматривала свое отражение и понимала, что выглядит отвратительно: взъерошенное темное пикси на голове, сизые мешки под глазами, заострившееся скулы. Бессонная ночь в ее возрасте давала о себе знать незамедлительно. Папулы на веках, обычно крошечные и едва заметные, обрели цвет и окружили светло-карие глаза россыпью розоватых пятнышек.

Инга открыла кран и вывернула ручку вправо. Дождавшись ледяной воды, наклонилась над раковиной и умылась, потом припала губами к тугой струе, жадно напилась. Лучше от этого выглядеть не стала, но хотя бы избавилась от сонливости.

Раздался стук в дверь. Секунду спустя из коридора донесся нервный голос Мотыгина, директора института:

– Доктор Вяземская, вы здесь? – И не дожидаясь ответа: – Вас ждет следователь, желает задать несколько вопросов.

– Дайте мне минуту, Леонид Семенович, – крикнула Инга в сторону двери и принялась протирать лицо бумажными салфетками.

4

Кабинет директора института выглядел современно и даже несколько экстравагантно. Компьютер, полки с документами и ультратонкий телевизор соседствовали с бесчисленными цветочными горшками, расставленными по углам и вдоль стен. Среди комнатных цветов, кустов и даже деревец органично и уместно смотрелись птицы. Профессор Мотыгин обожал декоративных птиц и держал в своем кабинете несколько просторных клеток с очаровательными экзотическими пернатыми. Самую большую, подвешенную на крючке у стены справа от письменного стола, занимала пара пугливых зебровых амадин. В двух клетках слева порхали миниатюрный алый цветосос и бенгальская сизоворонка, переливающаяся оттенками сиреневого и голубого. В клетке же, подвешенной у стены прямо за столом, красовалась звезда местного орнитария – гранатовый астрильд. Пестрый и яркий, как попугай, он порхал с жердочки на жердочку, приветствуя гостей возбужденным покрикиванием.

– Располагайтесь, будьте добры, – предложил Мотыгин у порога в свой кабинет. Он указал рукой внутрь и благожелательно улыбнулся, тряхнув седой шевелюрой. Вынужденный примчаться в институт посреди ночи, бедняга выглядел помятым и сонным.

– Благодарю, – низковатый голос следователя прозвучал холодно и отстраненно, но подчеркнуто вежливо. Инга окинула гостя быстрым изучающим взглядом и решила, что его тон и манера держаться гармонируют с элегантно-темно-синим пиджаком «Тримфорти», голубой рубашкой от «Томми Хилфигер» и джинсами «Левис» в обтяжку. Даже с кожаными мокасинами. Она прежде не встречала следователей, знала о них только по детективным фильмам или сериалам и понятия не имела о том, как они обычно одеваются. Никогда бы не подумала, что простой «следак» может выглядеть так модно и привлекательно.

Сомнолог привычно кивнула директору и прошла вслед за полицейским в кабинет. Мотыгин тихо удалился, плотно закрыв за собой дверь.

– Присаживайтесь, – Инге пришлось взять на себя роль хозяйки и указать гостю на один из стульев.

Следователь благодарно кивнул, сел. Сохраняя на лице выражение служебной строгости, он с любопытством осмотрелся по сторонам. Пестрые экзотические птицы в окружении цветов и комнатных кустов мало кого оставляли равнодушным. Напуганные ярким светом и громкими человеческими голосами, пернатые некоторое время взволнованно кричали, нервно порхали по клеткам, но вскоре успокоились, уселись на жердочки и кольца, принялись внимательно наблюдать за двумя людьми.

– Меня зовут Алексей Рогов, – представился сыщик, демонстрируя развернутое удостоверение, – следователь убийного отдела управления угрозыска Санкт-Петербурга. Мне необходимо собрать предварительную информацию, а потому заранее приношу извинения за этот разговор посреди ночи.

– Скорее, ранним утром, – покивала Инга. – Понимаю. Помогу, чем смогу.

Рогов вытащил мобильный и положил перед собой на стол.

– Вы не против, если я запишу нашу беседу на телефон? Избегаю бумажек, стараюсь идти в ногу со временем.

Он смущенно улыбнулся, словно стеснялся своей страсти к электронике. Инга безразлично пожала узкими, худыми плечами, посмотрела на следователя с интересом. Неплох собой, молод, отметила она, но явно профессионал своего дела. Это было заметно во взгляде и манере держаться; каждое движение вызывало ощущение, что он выполняет рутинную работу, к которой давно привык. И ужасное зрелище в палате его, похоже, совсем не тронуло. Неужели каждый день сталкивается со случаями, когда люди сдирают с себя лицо и разрывают себе горло?

– Представьтесь, пожалуйста, – начал он.

– Инга Вяземская-Розенквист, врач-сомнолог, руководитель лаборатории сна здесь, в нашем институте.

– Вы занимались лечением пациента Олега Буковского?

– Не только лечением. Прежде всего обследованием и диагностикой. У него был сложный случай: на одну проблему наложилась другая.

– Как долго он у вас пробыл?

– Вчера вечером истекли пятые сутки.

– Расскажите подробнее, с какими именно жалобами он к вам обратился?

Инга собралась с мыслями, напрягла память, вспоминая сведения из истории болезни.

– Буковский обратился в наш институт около недели назад с жалобами на острое апноэ – это непроизвольная остановка дыхания во сне. В лаборатории он посещал назначенные процедуры и проходил лечение в обычном порядке. Но в последние три дня неожиданно начал жаловаться на нарушения сна совсем другого характера: ночные кошмары сверхсильной интенсивности. Первый инцидент произошел позавчера во время одного из сеансов полисомнографии. Разумеется, мы немедленно занялись новой проблемой, поэтому Буковского было решено оставить в нашей лаборатории на длительное обследование. На следующей неделе мы планировали его встречу с психологом, который должен был провести первое собеседование по итогам наших тестов.

Следователь взглянул с некоторым удивлением.

– Проблемы с апноэ – это понятно, но я никогда не слышал, чтобы к врачам обращались с кошмарами.

– Почему же, – возразила Инга, – это такое же нарушение сна, как и любое другое. Поддается диагностике и лечению.

– Всегда ли при таких расстройствах проводится полисомнография?

– Хороший вопрос, – отметила сомнолог, тонкие губы тронула одобрительная улыбка. – Чаще всего сновидения, в частности кошмары, приходят в определенный момент – во время так называемой фазы быстрого сна. Наверное, вы слышали об этом?

– Когда-то и где-то, – туманно ответил Рогов.

– Эта фаза длится примерно пятнадцать минут и наступает несколько раз за ночь, обычно человек видит сны именно тогда. – Инга старалась говорить будничным, повседневным тоном, не желая выглядеть занудной лекторшей. – Есть данные о том, что сновидения возможны и в медленную фазу, но... впрочем, подробности здесь ни к чему. Что важно – человек, которому снится кошмар во время фазы быстрого сна, обязательно просыпается. С криком или без, но просыпается.

– А Буковский?

– В этом-то и странность. Потому и решили провести полномасштабное обследование: он не просыпался, пока быстрая фаза не заканчивалась. Лишь тогда прекращалось сновидение, и его можно было разбудить. Во время же быстрой фазы он кричал, даже истошно вопил, его трясло и хлестали по щекам, звали по имени, но безрезультатно – он продолжал спать, видеть кошмар и орать, пока сам не затихал, и только тогда просыпался.

Птицы замолкли, убаюканные человеческой речью, прикорнули на своих жердочках. Рогов слушал внимательно, хмуря светлые брови. Руки покоились на столе, пальцы с коротко подстриженными и ухоженными ногтями задумчиво постукивали по лакированной столешнице. Инга бросила на них короткий взгляд, невольно отметила отсутствие кольца.

– Буковский говорил, что именно ему снилось? – спросил следователь.

Инга потерла лоб, припоминая содержание интервью трехдневной давности.

– Обмолвился как-то раз после первой ночи в лаборатории о неких линиях или полосках... э-э... скрещенных сиреневых линиях. Но избегал об этом рассказывать в подробностях – воспоминания о кошмарах вызывали у него панические атаки. Как я поняла из разговора, именно сам образ, который ему снился, вызывал такой невероятный ужас. Он был безумно напуган этими сиреневыми линиями.

– Что показали результаты полисомнографии?

Инга снова пожала плечами.

– Данные собраны, но еще не проанализированы. Я собиралась заняться этим в ближайшие дни.

– Буду очень благодарен, если сообщите о результатах анализа и о ваших выводах.

Рогов достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, а оттуда – картонный прямоугольник визитки и протянул через стол.

– Звоните в любое время, – предложил он, – если не смогу ответить, то перезвоню при первой возможности.

– Мы закончили? – вяло спросила Инга и вложила визитку в карман джинсов. Стало стыдно, что не смогла скрыть облегчения: усталость взяла свое, давить зевоту стало невозможно.

– Думаю, на сегодня хватит, – кивнул следователь, вставая со стула. – Буду ждать от вас звонка.

– Обязательно, – пообещала Инга и тоже поднялась. Решила спросить: – Скажите, вы раньше сталкивались с чем-то подобным?

Рогов спрятал телефон в карман и шагнул к выходу из кабинета, точно радушный хозяин, провожающий гостя.

– Знаете, не будь у меня флешки с записью камеры видеонаблюдения, никогда бы не поверил, что это самоубийство: если человек решил уйти из жизни, есть ведь масса иных способов, более легких и менее болезненных. Можно предположить, что он находился под воз-

действием – наркотическим в комбинации с психическим, – раз уж сотворил с собой такое... Но пока рано делать заключения, экспертиза покажет.

Остановившись у самой двери, он повернулся к доктору, улыбнулся и сказал совсем другим тоном:

– Рекомендую крепкий чай с тертым имбирем и медом, желательно гречишным.

– Что? – Инга вскинула широкие брови. – Для чего?

– Вы же, очевидно, простыли, – развел руками Рогов, – вон как хрипите. А имбирь замечательно помогает при...

Инга коротко хохотнула, покачала головой.

– Я совершенно здорова, уверяю вас, – сказала с мягкой улыбкой, – такой голос у меня с самого отрочества.

Следователь растерялся, слегка покраснел.

– Простите, пожалуйста, я не... – смущенно пробормотал он.

– Все в порядке, – совершенно искренне заверила Инга. За свои сорок с небольшим она давно успела привыкнуть, что незнакомые люди при первой встрече удивлялись ее хриплому голосу. Бывали и такие, кто находил его весьма сексуальным.

– Всего доброго, доктор, – Рогов пожал ей на прощанье руку.

– До свидания!

У порога топтался Мотыгин, ожидая свой очереди на беседу со следователем. Инга попрощалась с ним, направилась в сторону лестницы, ведущей к выходу из здания. Надежда поспать хотя бы часок перед тем, как придется возвращаться обратно, еще теплилась в душе, и она, покинув здание института, заспешила к припаркованной неподалеку машине.

Когда села за руль, взгляд упал на небольшую фотографию, приклеенную с краю к зеркалу заднего вида. С фотографии едва заметно улыбался мальчишка, скоро подросток – остролыцый и горбоносый в маму, голубоглазый и светловолосый в папу. Инга, к своему стыду, вспомнила, что вчера не разговаривала с сыном. Сегодня вечером, пообещала она себе, обязательно скайпану Алексу, надо узнать о результате тестов в школе, ну и вообще, поговорить. Послав мальчику мысленный поцелуй, она включила зажигание и выкурила со стоянки.

5

Как и ожидалось, работа в институте, особенно в лаборатории сна, весь следующий день шла через пень-колоду. Сотрудники, от директора до уборщицы, выглядели подавленными и удрученными, происшествие никого не оставило равнодушным. Подобное случается не каждый день, а точнее, не случалось никогда прежде. И как теперь это событие отразится на репутации института, оставалось только гадать.

Инга решила отменить все запланированные на этот день мероприятия и встречи. Администратор Мария Аркадьевна обзвонила тех пациентов, у которых были назначены обследования или процедуры, и перенесла запись на другие дни. У большинства клиентов перестановка возражений не вызвала, но нашлись и те, кто предпочел поворчать, прежде чем согласиться. Последним распоряжением в этот день стал приказ отпустить всех работников по домам сразу после обеда. Директор Мотыгин против такого решения не возражал, сознавая, что шокированным сотрудникам важно дать возможность восстановить душевные силы. Однако строго предупредил, что с завтрашнего дня клиника возобновляет работу в штатном режиме.

Лаборант Мирошниченко уходил одним из последних. Когда он стоял на пороге ординаторской и натягивал ветровку, Инга окликнула его:

– Дима, что с материалами наблюдений?

Он вяло потащился к столу руководителя лаборатории и выложил перед ней флеш-накопитель с выгравированной эмблемой института.

– Простите, что не отдал сразу, вылетело из головы.

– Спасибо, Дима, – сказала на это Инга и взяла флешку в руки, – здесь все материалы, так?

– Да, все как просили.

– До завтра!

– И вам хорошего дня, Инга Юрьевна.

Лаборант устало улыбнулся на прощание и исчез за дверью.

Инга встала, прошла по ординаторской. Время было послеобеденное, но бессонная ночь давала о себе знать. В помещении опять барахлила вентиляция, воздух стоял спертый, душный. Она прошла к окну, распахнула створку. В комнату ворвался порыв свежего осеннего ветра – прохладного, но бодрящего. Торчать в институте совершенно не хотелось. Раз уж появилась возможность поработать дома, то лучше ею воспользоваться. Смена обстановки, особенно после вчерашнего, поможет вернуть самочувствие в норму. Инга закрыла окно, выключила компьютер и, взяв со стола флешку, направилась к двери.

Двадцать минут спустя она стояла на пороге своей квартиры, поворачивая ключ в замочной скважине. Из-за двери послышалось жалобное мяуканье.

– Привет, Жоська, девочка моя! – нежно проворковала Инга, войдя в прихожую. Пушистая рыжая персиянка принялась с энтузиазмом и громким мурлыканьем тереться о ноги хозяйки. Увидев, что та закрыла дверь и сбросила туфли, кошка помчалась в кухню, и продолжила жалобно мяукать оттуда, призывая хозяйку поторопиться. Намек был понятен и не требовал пояснений.

Наконец Инга приготовила себе чашку крепкого зеленого чая – своего любимого, с жасмином, – и прошла к письменному столу, занимавшему почетное место у стены между двух высоких расписных ваз со свежими гладиолусами, которые она частенько покупала сама себе. Несколько месяцев назад это место принадлежало телевизору, но Инга решила продать его. Все, что ей могло понадобиться от телевидения, имелось в свободном доступе в интернете. Она считала, что мощного компьютера с качественной сетевой картой вполне достаточно для связи с тем информационным океаном, в котором сегодня бултыхается человечество. Окруженный ворохом исписанных бумаг, старых квитанций и шоколадных оберток, на столе стоял ноутбук, соседствуя с переполненной окурками пепельницей.

Инга села на стул, «разбудила» компьютер. Вставив флешку, открыла папку с результатами полисомнографии Буковского, сохраненными в электронном формате. Отдельными файлами были записаны данные электроэнцефалографии с показателями биоэлектрической активности мозга, электроокулограммы с зарегистрированными движениями глаз, электромиографии, описывающей состояние мышечной активности во время сна, электрокардиографии с показателями ритма работы сердца и, наконец, записи регистрации движения ног и прочих параметров, входящих в комплексный процесс полисомнографии. В папке имелся также видеофайл – запись камеры наблюдения, сделанная во время последнего сеанса. Ее Инга решила посмотреть в самом конце. Открывая документ за документом, она погрузилась в чтение, внимательно изучая каждую цифру, каждый скачок кривых на графике.

Сперва Инга решила, что не поняла результатов, ошиблась – возможно, из-за недосыпания. Начала просматривать заново страницу за страницей, график за графиком. Мелькнула другая мысль: все равно ошибка, электроника дала сбой. Твою дивизию, таких показателей не бывает, только не у людей!

Электроэнцефалограмма демонстрировала аномальную активность в обеих миндалинах. Повышенная интенсивность сигналов в этой области мозга – явление вполне нормальное, когда человек боится, потому миндалины и называют центром страха. Но то, что показывали графики, выглядело совершенно невероятным.

Если аппаратура не ошиблась в замерах, возбуждение миндалин Буковского превышало средний индекс активности при ночных кошмарах на 150% в первую ночь и на 380% во вторую. А в третью – в последнюю ночь – индекс достиг совершенно фантастического уровня: на 550% выше средних значений. С подобным Инга не сталкивались ни разу за все восемь лет работы сомнологом, поэтому поверить в истинность зарегистрированных данных было трудно, даже невозможно. Если анализ не врет, то... Она затруднялась описать словами, *что* пациент должен был чувствовать во время своих кошмаров. Это находилось за гранью человеческой эмпатии.

Инга откинулась на спинку стула, потерла красные от напряжения глаза. Вытащила из пачки сигарету, закурила, направила в потолок струю сизого дыма. Как это понимать? При кошмарах такого не бывает. Что же с ним произошло, с Буковским? Кто-то накачал его нейротропными веществами? Какие из них в состоянии вызвать такой эффект? Ни один препарат на такое не способен. Если это изощренное убийство, то вскрытие, определенно, выявит наличие легко узнаваемых химических соединений в крови. А если не выявит, то, выходит, суицид?

Инга встала, походила по комнате, попыхивая сигаретой. Затем взяла пепельницу в руки, подошла к окну и приоткрыла форточку. Опершись о подоконник, продолжила размышлять.

Убийство или суицид? Скорее всего, ни то, ни другое. Если данные полисомнографии верны, то происшедшее может оказаться непроизвольной реакцией сознания на колоссальной интенсивности чувство страха. Словно человек испытывал такой непреходящий ужас от снившегося кошмара, что пытался вылезти сам из себя, освободить свой разум от оков непередаваемой жути.

Б-р-р... Инга содрогнулась от собственных мыслей. Ткнув окурком в дно пепельницы, она вернулась к ноутбуку. Несмотря на открытую форточку, в комнате повис сизый никотиновый туман. Инга не раз и не два зарекалась курить в квартире, прекрасно сознавая, что дым портит не только стены и потолок, но и мебель. Однако потеряла счет случаям, когда в задумчивости или в стрессе нарушала собственное правило. Из-за спины укоризненно мяукнула Жося, принюхиваясь к сигаретному дыму, но в очередной раз проявила снисхождение к хозяйке и запрыгнула в кресло. Свернувшись пушистым рыжим клубком, она замурлыкала и впала в сытую дрему.

Инга долго не решалась кликнуть по иконке видеофайла: догадывалась, что ее ждет ужасное зрелище. В конце концов все же сделала усилие, нажала.

Судя по данным энцефалограммы, фатальный кошмар начался во вторую быструю фазу сна, которая пришлась на два часа ночи. Инга отмотала видео сразу к этому моменту, не желая терять времени зря. С замиранием сердца стала вглядываться в экран, наблюдая, как пациент, до того лежавший неподвижно, вдруг часто задышал, начал ворочаться во сне, дергать руками и ногами. Послышалось мычание, которое скоро переросло в рев и наконец в леденящий душу истошный вопль. Медсестра Алена Малинина, с таким поведением Буковского знакомая и знавшая, что кошмар никак не прервать, разбудить пациента и не пыталась. Об этом она сообщила в разговоре с Ингой сегодня утром, когда пришла на работу с красными заплаканными глазами. Поговорив с ней, Инга отправила ее домой первой. Но прежде выяснила, что Алена, которой не повезло дежурить в ту ночь в операторской, видела на экране монитора, как пациент, воя, буквально срывает с себя лицо и с нечеловеческим воплем выдавливает глаза. Эта картина настолько потрясла девушку, что она впала в ступор и не могла пошевелиться, словно приросла к стулу. А когда наконец пришла в себя, в палате номер девять было тихо. Камера демонстрировала ужасное зрелище, но всех подробностей передать не могла. Алена оставила пост в операторской и побежала в палату. То, что предстало ее взору там, оказалось последней каплей – она завизжала от ужаса и потеряла сознание. Там, на окровавленном полу, ее и нашли Дмитрий и дежурный врач.

Сопоставив данные полисомнографии и видеозапись, Инга пришла к очевидному, хоть и невероятному выводу: скорее всего, Буковский погиб столь страшной смертью вследствие собственных неосознаваемых действий, вызванных невообразимым ужасом, который он испытывал во время ночного кошмара. Однако Инга понимала: необходимо дождаться результатов вскрытия, прежде чем делать какие-либо окончательные выводы.

Но что могло вызвать кошмар такой необычайной интенсивности?

Инга встала, потянулась к пачке с сигаретами. Закурив, вышла на балкон и села на деревянный табурет. Все еще теплое сентябрьское солнце приятно грело спину, но порывы прохладного ветра заставляли ежиться и сожалеть о том, что не захватила куртку или хотя бы свитер, а вышла на свежий воздух в чем была – в домашних шортах и футболке. Инга торопливо затягивалась, потирая озябшие плечи, и пыталась унять тошноту, которая не отпускала после просмотра страшного видео. Жуткие кадры всплывали перед внутренним взором, бросая в дрожь. Не то чтобы она боялась, нет, но наблюдать такое было просто отвратительно. Однако она понимала, что посмотреть запись еще хотя бы раз ей в любом случае придется: чтобы сделать необходимые выводы для себя и для полиции. Кстати, о полиции...

Инга щелчком отправила окуроч за перила балкона и вернулась в гостиную. Осмотрев письменный стол, выискала среди кучи нужных и ненужных бумажек визитную карточку Рогова. Кроме контактной информации, звания и должности, на визитке имелось миниатюрное фото следователя – легкая, чуть высокомерная улыбка на продолговатом лице с заостренным подбородком, аккуратно уложенные на косой пробор волосы, высокий прямой лоб. Ему б не следователем, ему б на сцену и микрофон в руки. Стадионы бы собирал.

Инга усмехнулась своим мыслям. Достала из кармана шортов телефон, набрала номер, но через несколько секунд приятный женский голос сообщил, что абонент не может принять звонок.

Досадно, когда тот, кто тебе нужен, оказывается недоступен.

6

Вечер прошел как обычно: чтение, просмотр новостей и беседа по скайпу с сыном. Алекс, которому в декабре исполнялось двенадцать, учился в пятом классе и жил у своего отца вместе с его новой семьей. Когда обсуждали развод со Стефаном, Инга против такого расклада не возражала, скорее была его инициатором: она ничуть не сомневалась, что мальчику, родившемуся в Швеции, будет лучше остаться на родине. И дело не только в уровне жизни. Ингу прежде всего беспокоило, что дети с таким диагнозом, который был поставлен Алексу, в России обычно не получают и половины той помощи, на которую можно рассчитывать в Скандинавии. Знакомая с нравами детей в обеих странах, она была уверена, что насмешек и травли проще избежать там, где в аутистов не тычут пальцем и не называют даунами, – легкая форма этого расстройства позволяла Алексу обучаться в обычной школе, а дети в них терпимы не всегда. Да и русский сына оставлял желать лучшего: вряд ли мальчишка, привыкший большую часть времени разговаривать на шведском, потянул бы тяжелейшую программу российского среднего образования.

Стефан же, который ужасно боялся, что бывшая жена увезет от него сына в чужую страну, куда без визы не попасть, был безумно рад оставить ребенка у себя. Алекс получил собственную спальню с отдельным входом, душевой и туалетом: просторная загородная вилла в восточных предместьях Стокгольма, куда переехал Стефан со своей новой женой, изобиловала пустыми комнатами. Отдельную отвели даже Инге – для тех случаев, когда она приезжала навестить ребенка. Бывший великодушно отказался от алиментов и вместо этого предложил оплачивать ее расходы на дорогу. Инга, поразмыслив немного, согласилась. Почему бы, собственно, и нет? Обладая двойным гражданством, она могла беспрепятственно навещать сына

всякий раз, как удавалось выбить у Мотыгина отпуск. Бывало, приезжала и на уикенд. Словом, такой расклад устраивал всех. Кроме Алекса.

Слезы, мольбы не бросать и забрать с собой, намеренно сломанный замок на ее чемодане и прочие обескураживающие своей наивностью попытки не позволить маме уехать – все это не казалось таким уж страшным, можно было пережить и стереть из памяти. Но забыть его взгляд тогда, в аэропорту, у самого турникета, нерушимой границей пролегшего между провожающими и пассажирами, Инга не могла до сих пор. Большие ярко-синие глаза, в которых застыли, как печать на сургуче, растерянность, обида и неверие. Неверие в то, что мама не шутила и что взаправду уезжает. Тот день в аэропорту она, наверное, будет вспоминать до конца своих дней.

Сейчас, беседуя с мамой, мальчик в своей обычной немногословной манере отвечал на вопросы, по большей части односложно. Скупыми короткими фразами поведал о вчерашнем походе с папой в кино и об успехах в школе, а под самый конец разговора, когда начали прощаться, поинтересовался, отчего она так странно выглядит. Инга украдкой посмотрела на свое изображение, заключенное в небольшой квадрат в окне скайпа, и решила, что мальчик подрос и научился дипломатичности: слово «странно» в его устах прозвучало явным эвфемизмом. В ответ Инга, избегая неприятных подробностей, рассказала о страшном происшествии в лаборатории. Алекс посочувствовал ей, а потом посоветовал принять снотворное и лечь спать пораньше, чтобы как следует отдохнуть. Так она и поступила.

7

Рогов перезвонил вечером следующего дня. Инга вышла из душа и натиралась кремами, когда смартфон, пристроенный на полочке в ванной и работавший как онлайн-радио, оборвал передачу и затрещал. Она торопливо вытерла руки салфеткой и ответила на звонок:

– Слушаю.

– Добрый вечер, – послышался знакомый баритон. – Доктор Вяземская, это вы?

– Я.

– Рад вас слышать. – Прозвучало слишком чопорно, чтобы быть правдой. – У меня пропущенный звонок с вашего номера... простите, был чрезвычайно занят, тройное убийство.

– Да-да, без претензий, все понимаю. Я изучила материалы полисомнографии, хотела бы поделиться соображениями.

– Превосходно! – Вот это прозвучало искренне. – Лучше при личной встрече.

– Разумеется.

– Вас устроит завтра часиков в шесть?

– Вполне.

– В паре кварталов от вашего института есть небольшое уютное кафе, называется «Ароматы Бразилии». Там подают отменный кофе...

– Терпеть не могу кофе, – как можно мягче сказала Инга, – но если там подают и чай, то я совсем не против.

– Вот как, – озадаченно произнес Рогов, – только чай и никакого кофе?

– Именно. Что вас удивляет? Чайная церемония существовала в мире еще со времен династии...

– Знал я одну женщину точно с такими же пристрастиями, – перебил он. – Удивительное совпадение... ладно, не важно. Значит, завтра в шесть у входа в «Бразилию»?

– Да, – в некоторой растерянности ответила Инга, – до завтра.

– Доброй ночи!

Она отключилась и задумчиво опустила телефон в кармашек банного халата. Втирая в руки ромашковый крем, вышла из ванной и направилась в спальню. Разговор оставил в душе едва уловимое чувство незавершенности. Незаданные вопросы и несказанные слова зародились,

закружились, будто рассерженные пчелы над ульем. Но Инга старалась не терять рассудительности и здравости ума, а потому загнала пчел в улей и отправилась спать.

8

Атмосфера в Институте психиатрии и неврологии стала налаживаться лишь после обеда следующего дня. Это частично объяснялось тем, что начальство объявило о досрочной выплате премиальных, и, кроме того, люди просто стали отходить от шока. Инга считала, что не существует такой ситуации, с которой человеческая психика не смогла бы справиться при условии, что для этого имеется достаточно времени. И вот, к концу дня, всегда улыбочивый и веселый Мирошниченко вновь начал шутить, бодрая и энергичная Алена – подтрунивать над коллегами и даже флиртовать, а задумчивый и рассеянный Веняминов – тихонечко мурлыкать себе в бороду любимые мелодии семидесятых. Да и Инга ощутила, что нервная дрожь, бившая ее сутки после происшествия, ослабила хватку, открыв место в душе чему-то еще кроме жутких картин разорванного Буковского. Среди пациентов поползли слухи, посыпались вопросы, но сотрудники, следуя четкой инструкции руководства, отсылали всех любопытствующих к информационным бюллетеням МВД.

Ближе к концу рабочего дня Инга поймала себя на том, что чаще обычного поглядывает на часы. Раньше могла работать дотемна, не вспоминая, который час, и зачастую покидала здание института последней. Теперь же она пристально отслеживала по-черепашьи медленное движение минутной стрелки и, когда настенные часы в ординаторской показали половину шестого, сохранила работу и выключила компьютер.

Инга достала из-под стола рюкзак и выудила оттуда зеркальце. Раскрыла, принялась изучать свое отражение. Папулы вокруг глаз были сегодня не очень видны. Появившись в возрасте восьми лет, малозаметная россыпь розовых пятнышек успела стать привычным атрибутом внешности, о котором она большую часть времени и не вспоминала. Но сейчас отчего-то захотелось этот изъян хоть как-то замаскировать.

Косметикой Инга не пользовалась, но флакончик с тональным кремом обычно носила с собой. Несколько аккуратных, точных движений пальцами вернули коже лица вид, который большинство женщин сочли бы нормой. Затем она расчесала и аккуратно уложила пикси – точно так, как пару недель назад ей показали в парикмахерской. Процедуру завершила контрольным осмотром, поворачивая зеркальце под разными углами, и заключила, что выглядит, если не прекрасно, то хотя бы ничего. Когда часы показали без пятнадцати шесть, она поспешила к двери, на ходу натягивая куртку.

Вечер четверга выдался теплым и ясным. В этот час на улице былолюдно: многие торопились по домам, некоторые направлялись в магазины за продуктами, а кто-то спешил в ближайший бар пропустить по стаканчику.

Инга держала путь к «Ароматам Бразилии». Она решила пойти короткой дорогой через небольшой парк, в котором частенько прогуливались собачники с питомцами и мамы с колясками. Не хотелось ни опаздывать, ни даже приходить ровно. Она задумала явиться хотя бы на несколько минут раньше, чтобы занять столик поуютнее и привести мысли в порядок. В голове все еще царила кутерьма после прошедшего рабочего дня. Порой казалось невероятным, как можно всего за восемь часов выполнить столько дел. Чашка крепкого зеленого чая была бы сейчас в самый раз...

Из раздумий вырвал оглушительный лай. Инга резко обернулась – на нее с другого конца большой поляны во весь опор мчался огромный черный ротвейлер. Хозяина поблизости видно не было. Она замерла как вкопанная – время вдруг замедлилось, потянулось, точно кисель. Рассвирепевший пес стремительно приближался, захлебываясь яростным лаем, но Инга видела его, словно в замедленном кино. Все чувства исчезли, в душе воцарился вакуум. Когда расто-

яние сократилось до двадцати метров, она будто очнулась – взгляд упал на увесистый булыжник. Одним молниеносным движением она наклонилась, схватила камень и швырнула в несущегося пса. Снаряд угодил точно в верхнюю часть передней лапы. Раздался отвратительный хруст, зверь жалобно взвизгнул, споткнулся и перекувыркнулся через голову, громко скуля. Инерция протащила его еще пару метров; на асфальте остался алый след.

– Ах ты сука! – заорал откуда-то справа грубый мужской голос. – Что ж ты наделала, овца?!

Рядом с Ингой вырос мужчина в черных трениках и спортивной куртке. Изрыгая потоки мата вперемежку с угрозами, он подскочил вплотную, навис над ней бешеной глыбой и замахнулся. Небритое лицо исказилось в приступе гнева, огромные кисти сжались в кулаки. Инга отступила на шаг, достала из кармана перцовый баллончик и брызнула ему прямо в лицо. Мужчина заорал, принялся тереть глаза, замотал головой. Инга подошла к нему и хрипло процедила:

– Еще раз увижу твою псину без поводка, проломлю ей башку.

Ответом были рев и мат, звучащие в унисон со скулежом раненного пса.

Вокруг стали собираться зеваки, кто-то достал телефон, желая запечатлеть драматичную сцену на видео. Но Инга решила поставить точку в этой истории. Спрятав баллончик в карман, она накинула капюшон и заспешила прочь. В душе по-прежнему зияла пустота.

9

Явиться на встречу первой не удалось. Когда Инга вошла в кафе, то сразу увидела Рогова за столиком в дальнем углу помещения. Следователь помахал ей, она улыбнулась и направилась к нему.

В стеклянных витринах красовались, привлекая восхищенные взгляды, разнообразные пирожные и торты, поделенные на слайсы. Вдоль стены за прилавком тянулись полки с жестяными коробками, на которых крупными буквами были выведены названия чайных сортов. Коробки играли бликами, приветливо подмигивая посетителям.

Рогов встал ей навстречу. Они пожали друг другу руки, и Инга отметила, что ладонь у него крепкая и сильная, а рукопожатие уверенное и твердое. Это, как она слышала, многое говорило о характере. Что именно, вспомнить не получилось, но, кажется, что-то положительное и хвалебное.

– Добрый вечер, доктор Вяземская, – поприветствовал ее следователь, пока она снимала куртку и усаживалась в кресло. Сам сел только после этого, заняв неширокое канапе напротив.

Инге показалось, что в кафе жарковато. Несколько больших стационарных кофе-машин шипели и плевались паром, выеживая из себя ароматные черные струи, иногда со взбитыми сливками или с молоком и различными добавками. Возле машин суетились работники, выполняющие заказы многочисленных клиентов.

– Зовите меня Инга, – ответила она вместо приветствия и вежливо улыбнулась. Укравкой осмотрела собеседника, пока тот устраивался на канапе. Сегодня он был при параде: темно-синий пиджак и брюки, светло-голубой галстук с замысловатым узором, ослепительно белая рубашка. Образ «мужчины с обложки» дополнили бы золотые запонки и шелковый платочек в нагрудном кармане пиджака, но эти элементы отсутствовали. И к лучшему, решила Инга, иначе было бы чересчур.

– Вы взволнованы? – насторожился он. Заметить ее состояние после инцидента со злобной собакой оказалось нетрудно. – Что-то произошло?

– Да так, знаете ли, пришлось заняться дрессировкой невоспитанных четвероногих, – уклончиво ответила она.

– На вас напала собака? – догадался следователь. – Вы, наверное, перепугались? Вас укусили?

– Да. Нет. Нет, – лаконично ответила Инга на все три вопроса, но легким кивком дала понять, что оценила его обеспокоенность. Добавила: – Знаете, сама удивлена, но нет, не испугалась. Совершенно.

Рогов вскинул бровь, посмотрел озадаченно. Возможно, решил, что собаки нападают на нее каждый божий день и она просто привыкла.

– Закажем что-то? – предложила Инга, желая сменить тему.

– Это лишнее, – ответил Рогов, и на его губах заиграла довольная улыбка.

– То есть? – нахмурилась она.

– Уже заказал. Вот – девушка несет наш заказ.

К ним как раз подходила официантка. Через мгновение на стол опустился широкий прямоугольный поднос на подставке. На нем уместились две фарфоровые чашки с блюдцами, небольшой кофейник и того же размера чайник; рядом круглая сахарница, тарелка с дольками лимона и вазочка с длинными тонкими плитками темного шоколада.

– Чай с жасмином, – поспешил предупредить молодой человек.

– Я догадалась по аромату, – сказала Инга с нескрываемым удивлением в голосе. – Откуда такая осведомленность?

– Профессия обязывает, – многозначительно заявил Рогов и налил ей светлого янтарного напитка, а себе черного кофе.

Инга немного растерялась, не зная, как истолковать подобное внимание. Решила взять инициативу в свои руки.

– Что слышно от судмедэкспертов?

Рогов ответил не сразу. Отпил кофе, потом еще, неторопливо смакуя вкус, затем взял из вазочки плитку шоколада, отломил кусочек и закинул в рот. Чашку держал за ручку двумя пальцами, изящно выгнув мизинец, но делал это совершенно натурально. У Инги возникло твердое убеждение, что подобная утонченность, даже рафинированность, в манерах произрастает у Алексея не из стремления рисоваться перед окружающими, а является естественной, глубоко укоренившейся чертой его характера.

– Экспертиза разводит руками, – произнес он наконец и слегка нахмурился, – заключение только предварительное, но никаких признаков насильственной смерти пока не обнаружено. В крови – ни малейших следов психотропов или наркотиков, даже алкоголя. Как бы странно это ни выглядело, но смерть Буковского и правда смахивает на суицид.

– Скажите, экспертиза ведь включает вскрытие черепной коробки и исследование головного мозга, не так ли?

Инга пригубила чай. В этом кафе его заваривали явно дольше, чем полагалось, однако вкус и аромат это не портило.

– Совершенно верно. Почему вы спрашиваете?

– Ничего необычного в мозге не обнаружили?

Рогов замер с чашкой на полпути к губам, посмотрел на собеседницу пристально, даже слегка прищурился, словно пытался прочесть ее мысли.

– Та-ак, – он опустил чашку на блюдце, наклонился вперед, – поподробнее, пожалуйста, что необычного патологоанатомы могли обнаружить в мозге Буковского?

– Например, какие-то аномалии в височных долях, а особенно в миндалинах.

Он выпрямился, сложил руки на груди, продолжая буравить ее подозрительным взглядом. Возможно, раздумывал, уместно ли оглашать постороннему человеку подробности судмедэкспертизы. Или просто вспоминал содержание патологоанатомического заключения.

– Ваша проницательность делает вам честь, – признал он после паузы. – Да, в самом деле, нарушения в обеих миндалинах были первым, о чем мне сообщил эксперт, который делал

вскрытие. Это потрясло его больше всего, не считая, разумеется, внешних повреждений на лице и горле Буковского.

Следователь отпил еще кофе. Инга замерла и напряглась, ожидая продолжения. Где-то за спиной громко разговаривали посетители кафе, слышались раскаты заливистого хохота, звон посуды, хлопанье входной двери. Воздух наполнился ароматами разных сортов чая и кофе, пирожных и горячих булочек с ванильным кремом, еще чего-то вкусного и аппетитного. Когда чашка опустела, Рогов заговорил вновь:

– Полностью подавленный механизм гиперполяризации нейронов – вот что он мне сообщил. Я не силен в нейрофизиологии, а потому не очень понял...

– Если коротко, то это внутренний механизм, защищающий нейроны от чрезмерного возбуждения, – подсказала Инга.

– Да-да, что-то в этом роде, – покивал следователь, – словом, этот механизм полностью отсутствовал именно в височных долях, а сами миндалины... они словно бы... мм... взорвались изнутри: полный разрыв аксонных и дендритных связей, обильное кровоизлияние. Да, как-то так.

Инга почувствовала, как сердце застучало при этих словах. Картина, описанная Роговым со слов судмедэксперта, казалась естественным физическим проявлением тех показателей, которые выдала полисомнография.

– Ну что ж, Инга, теперь ваша очередь, – он указал на нее рукой, будто сделал пас мячом, – вы же не просто так спросили о результатах некропсии.

Инга допила чай, налила из чайничка еще. Аромат жасмина приятно защекотал ноздри.

– То, о чем вам поведал эксперт, – начала она, – прекрасно согласуется с результатами, которые мы получили после анализа полисомнографии. Дело в том, что мозг человека не создан для работы с импульсами подобной интенсивности...

Зазвонил телефон. По мелодии звонка Инга догадалась, что это Женя – друг детства, с которым и ныне часто общалась. Она запнулась на полуслове, невольно скосила глаза на экран вибрирующего на столе аппарата.

– Ответите? – предложил Рогов.

– Позже перезвоню, – поколебавшись мгновение, сказала Инга и нажала кнопку сброса, потом продолжила: – Так вот, я проанализировала данные полисомнографии и пришла к выводу, что интенсивность страха, который пациент испытывал во сне, многократно возрастала от раза к разу, пока в последнюю ночь не достигла своего максимума. Отсюда – жуткие последствия. Показатели уже первых ночей значительно превышают средние значения, принятые для измерения таких явлений. А данные за последнюю ночь вообще кажутся компьютерным глюком. Если бы я не видела, во что превратил себя Буковский, и если бы не услышала от вас заключение судмедэксперта, то была бы абсолютно убеждена в сбое электроэнцефалографа. Теперь же, учитывая эти факторы, понимаю, что инцидент – не глюк, а новый и доселе не изученный феномен сомнологии. Не просто не изученный, но никогда прежде не упоминавшийся. Нигде и никогда! До нашей встречи я успела созвониться с парой коллег в России и за рубежом, просмотрела литературу – ничего подобного.

Инга перевела дух, откинулась на спинку кресла, глотая остывший чай и наблюдая за холеным лицом Рогова. Оно выражало недоумение, смешанное с тревогой. Следователь задумчиво теребил кончик тонкого носа, разглядывая остатки кофе в чашке.

– Чего-нибудь еще желаете? – на ходу поинтересовалась проносящаяся мимо официантка.

Инга молча покачала головой, Рогов вообще проигнорировал вопрос, погруженный в раздумья.

– Страшно, – наконец заключил он.

– Страшно, – согласилась Инга. – Помимо всего прочего, еще и потому, что помочь несчастному мы никак не могли. Его вообще не получалось разбудить, когда он находился в фазе быстрого сна и видел кошмар. Не представляю, как такое возможно. К тому же токсинов или психотропных веществ, которые могли бы вызвать кошмары, ни в крови, ни в тканях, как вы сказали, экспертиза не выявила.

– Нет, – покачал головой Рогов, – ничего. Чист как стеклышко. Тьфу ты, дьяволыщина какая-то!

Оба снова погрузились в молчание, размышляя о происшествии и связанных с ним деталях. Прошло несколько минут, прежде чем Рогов, словно очнувшись от сна, взглянул на часы и виновато сообщил:

– Простите, мне уже пора. Меня ждут.

У Инги чуть не вырвалось: «Кто ждет?» – но она вовремя прикусила язык. Вежливо улыбнулась и спрятала телефон в карман куртки, небрежно брошенной на соседнее кресло.

– Понимаю, мне тоже пора, – сказала она, доставая бумажник.

– Не стоит, – вскинул руки следователь, – все оплачено.

– Это вы зря, – заметила Инга с укором и сунула бумажник обратно в рюкзак.

Когда они вышли на улицу, уже смеркалось. Столпотворение часа-пик пошло на убыль, на тротуаре стало просторнее, дорожные пробки рассосались.

– Спасибо за приятную занимательную беседу, – улыбнулся Рогов, протягивая руку. – Звоните, если что-то еще пожелаете сообщить.

– Взаимно, – коротко, но искренне ответила Инга и пожала его горячую твердую ладонь, – Обязательно.

Она зашагала обратно в сторону здания института, где неподалеку от входа стояла ее машина. Пока шла, чувствовала устремленный на нее взгляд. Возникло желание обернуться, помахать рукой, но Инга усилием воли удержалась. Пусть смотрит, не жалко.

10

В назначенный час она, покормив Жосю и наскоро выкурив сигарету, открыла скайп и набрала сына.

– Привет, мам, – ответил искаженный динамиками мальчишечий голос. На экране возникло узкое светлое лицо с острым подбородком, обрамленное копной волнистых соломенных волос. Большие синие глаза смотрели грустно, даже испуганно. Взглянули в объектив камеры лишь на мгновение, а потом уставились, как обычно, куда-то мимо.

– Приветтики! – весело сказала Инга и помахала в камеру. – Как поживаешь?

– Все прекрасно, – быстро ответил мальчик. – А как ты?

– Я-то хорошо, а вот ты давай-ка, рассказывай, чего невеселый такой?

– Я невеселый?

– А то я не вижу!

Алекс вздохнул, посмотрел в сторону, тихо заговорил:

– Ну... история. Урок истории. Негры.

– Чернокожие, – мягко поправила Инга. – При чем здесь они?

– Я сказал... – мальчик потупил взгляд, – что у чернокожих нет ни капли ДНК неандертальцев. Я читал. Журнал по биологии.

– Та-ак, – Инга сглотнула, всматриваясь в уводящего взор ребенка. – И что?

– Ильяс крикнул мне... что я расист.

– Этот тот, чьи родители из Замбии? – вспомнила Инга.

– Угу. Фрекен Хартман велела мне уйти. Из класса.

Инга закусила губу, затеребила заусеницу на пальце.

– А у фрекен есть данные, что в ДНК современных африканцев имеются следы генома неандертальцев? – не удержалась она, но тотчас спохватилась, махнула рукой. – Алекс, не расстраивайся, ты не сделал ничего дурного. Папа в курсе?

– Да. Он завтра пойдет в школу. Вызвали.

– Все будет хорошо...

– Не будет, – отрезал Алекс и взглянул на мгновение ей в глаза. Она успела заметить в них блеск. – У *меня* не будет.

– Да что ты, солнышко, – Инга попыталась улыбнуться, но получилось с трудом, – конечно же...

– Не будет! – мальчик упрямо тряхнул копной волос.

– Да нет же! Почему ты...

– Я знаю. Потому что... – он замялся, отвернулся, буркнул едва слышно: – Знаешь сама.

– Алекс!

– Мне пора делать уроки. И спать. Пока.

Инга, сглотнув ком в горле, кивнула и выдавила улыбку. Вложив в голос как можно больше нежности, пожелала сыну спокойной ночи и отключилась.

Крышка ноутбука с треском захлопнулась, стул отлетел к стене, сигарета запрыгнула меж губ. Зажигалка после недолгого сопротивления уступила и выплюнула ровный желто-красный бутончик пламени. Затяжка, другая, и струя сизого дыма устремилась в начинающий желтеть потолок. «Знаешь сама». Слова прозвучали как скрежет ключа в старом заржавевшем замке, за которым пряталось тягостное, почти забытое чувство вины.

Постаравшись отодвинуть подальше бессмысленные здесь и сейчас переживания о сыне, Инга потратила остаток вечера на размышления о разговоре со следователем. Одновременно просматривала научную литературу как в бумажных изданиях, так и в виде электронных публикаций в поисках случаев, похожих на происшествие с Буковским. Просидев за компьютером до самой полуночи, не обнаружила ничего, кроме нескольких статей о синдроме внезапной и необъяснимой смерти и описания самоубийства художника Тобиаса Вонга, который повесился во сне в 2010 году. Ни то, ни другое никак не могло помочь в понимании странного феномена, который открылся в связи с жуткой смертью несчастного пациента. В конце концов, Инга пришла к заключению, что поиски бесплодны и результата, скорее всего, не принесут. Силы и время она решила посвятить изучению уже случившегося. Она твердо вознамерилась завтра вновь, и в этот раз с участием опытных коллег, проанализировать результаты полисонографии. А через несколько дней – еще раз связаться с Роговым, когда будет готово окончательное заключение судмедэкспертизы. Возможно, даже появится шанс получить его копию и внимательно изучить.

Укладываясь в постель в первом часу ночи, Инга со стыдом вспомнила, что так и не перезвонила Жене. Вряд ли он из-за этого обидится, но такое поведение было не в ее правилах. Строго-настрога наказала себе связаться с приятелем завтра же с утра, и с этим провалилась в сон.

11

Утро выдалось просто отвратительное. Инга проигнорировала будильник и позорно проспала; открыла глаза за десять минут до начала рабочего дня. Рассыпая матерки, наскоро умылась, выхватила из холодильника банку фруктового йогурта и, бросив Жосе горсть сухого корма, выбежала из квартиры.

Села за руль, повела неторопливо и осторожно. Гнать в час-пик при всем желании не вышло бы, и это вызвало облегчение: стресс за рулем ни к чему хорошему не приводит. К тому же есть возможность перезвонить другу. Она набрала номер на телефоне, подключенном

по блютусу к машине, и вскоре в салоне слышались гудки дозвона. Через несколько секунд тихий, чуть грустноватый мужской голос ответил:

– Инга, здорово!

– Привет, Женька! Прости, вчера совсем замоталась, совершенно забыла перезвонить...

– Да ладно, уже не актуально.

А ведь в голосе у него не грусть, а скорбь, подумалось Инге.

– В чем дело-то было? Может, я еще... – Она дала по тормозам и вывернула руль, избегая столкновения с подрезавшим ее фордом. – Вот дебил! Прости, это не тебе. Говорю, может, я еще смогу что-то сделать?

– Уже вряд ли, – невесело усмехнулся Женька, – я насчет Ирины Владимировны звонил. Меня Наташа попросила ее к тебе в институт определить.

– А что с ней такое? – насторожилась Инга. Она знала его тещу, эту мягкую, добрую женщину, виделась с ней разок, когда была в гостях у Жени и его семьи. Ирина Владимировна оставила очень приятное впечатление: спокойный рассудительный человек, начитанный и внимательный.

– Уже ничего, – вздохнул Женька, – последние несколько дней она Наташке жаловалась, что ее замучили кошмары, да такие, что ее всю трясло. И снились-то не монстры и не маньяки, а просто какая-то несуразица – фиолетовые полоски, или линии, или что-то в этом роде...

– Что?! – Инга снова ударила по тормозам, резина завизжала об асфальт, машина застыла посреди дороги.

– Кошмары, говорю, мучили ее, – повторил мужчина громче, решив, что собеседница не расслышала, – а сегодня ночью...

– Господи, что случилось, Женька? – Инга почти кричала.

– Скончалась. Врачи говорят, разрыв сердца вследствие инфаркта. Наташка только что из морга звонила.

Инга молчала, не в силах вымолвить ни слова. Тупо смотрела вперед на объезжающие ее автомобили и автобусы. Ей гневно сигналили, показывали средний палец, кто-то даже не поленился притормозить, открыть окно и швырнуть в нее картонный стакан с шейком из «Макдональдса». Стакан шлепнулся на капот, розоватая жидкость растеклась по металлической поверхности, но Инга сидела не шевелясь. Пальцы сжали пластик руля, костяшки побелели.

– Инга, ты там? Алло?

Она потрясла головой, сбросила оцепенение. Затем, оглядевшись и оценив обстановку, осторожно вырулила с середины дороги и припарковалась на обочине, включила аварийку.

– Да-да, я здесь, – ее голос зазвучал хриплее обычного. – Ужас, конечно, сочувствую.

– Спасибо. За тем и искал тебя вчера. Теща звонила, рыдала, просила помочь, а чем мы ей поможем? Мы ж не врачи. Вот я и подумал к тебе ее направить.

– Жень, – перебила Инга, – а что за полоски ей снились?

– Да какая разница, – Женька опять тяжело вздохнул, – что теперь изменишь.

– Мне как сомнологу интересно.

– Говорю же, какие-то страшные, по ее словам, фиолетовые полоски, скрещенные между собой. Говорила, что боится их до умопомрачения, в дрожь бросает, если днем вспоминает сон. Две ночи подряд ей эта фигня снилась, а сегодня ночью вот...

Инга сглотнула комок.

– Никак в толк не возьму, – продолжал мужчина, – что в полосках страшного? Моей дочурке как-то раз клоун с ножом приснился, вот это я понимаю, страшно. Но полоски...

– Женька, можно, я заеду к вам вечером?

– Да ради бога, тебе мы всегда рады.

– Спасибо. До вечера.

Инга отключилась. Уронила голову на руль, закрыла глаза.

– Твою дивизию... – едва слышано прошептала она и заглушила двигатель.

Глава вторая. СТРАШНАЯ БУКВА

1

День протянулся изнуряющей чередой встреч, совещаний, административной работы и бесед с пациентами. Инга обстоятельно разговаривала с каждым, кто приходил с жалобами на нарушения сна. Особое внимание уделяла тем, кто страдал от кошмаров, досконально выясняя, что именно снилось, как часто и что происходило с человеком в течение дня. Однако ничего необычного не всплывало. Пациенты, как и прежде, страдали от бессонницы, апноэ, сомнамбулизма и, да, от кошмаров тоже. Попался даже один пожилой мужчина с редким синдромом «беспокойных ног». Но никто из них во время бесед не упомянул ничего даже близко похожего на сверхсильное эмоциональное потрясение и ни словом не обмолвился о трех сиреневых линиях. Все как обычно, все как раньше. А сюжеты кошмаров, у кого они были, повторяли привычные общечеловеческие паттерны: падение в пропасть, черные собаки, пауки, преследование, насилие со стороны незнакомца и прочее.

Вопреки обыкновению, в этот день Инга покинула ординаторскую первой. Подчиненные с удивлением наблюдали за руководителем лаборатории, которая без пятнадцати пять побросала вещи в рюкзак, выключила компьютер и, буркнув что-то неразборчивое на прощание, унеслась прочь. Мирошниченко и Веняминов переглянулись, пожали плечами, а Малинина осмелилась предположить, что у Кнопки, как Ингу Юрьевну за глаза иногда называли в институте, наконец завелся мужчина. Ей возразили, что на романтическое свидание люди обычно не ходят с таким каменным лицом и насупленными бровями, как у Вяземской.

Инга мчала так быстро, как позволяли условия на дороге, а они сегодня к быстрой езде не располагали: дело было не только в автомобильной толчее, но и в ливне – бесконечные потоки воды тугими струями заливали улицы, превращая их почти что в реки. Канализация с таким количеством просто не справлялась, и машинам приходилось примерять на себя роль моторных лодок.

Дворники истерично метались по лобовому стеклу, Инга скрипела зубами, обгоняя машину за машиной. Она бездумно пообещала Жене, что приедет к шести вечера, но не учла обычных для этого времени пробок, а ведь добираться придется до северной оконечности Гражданского проспекта. Не подумала, забыла. А теперь кляла себя и совершала такие маневры, за которые других водителей обычно материла на чем свет стоит.

Опоздала на двадцать минут, но приятель и не думал корить ее за это. Он открыл дверь, мрачный и ссутулившийся. В доме было тихо. Они обнялись прямо в прихожей и простояли так несколько секунд, затем разомкнули объятия.

– Соболезную, – сказала Инга, скидывая туфли и одновременно снимая намокшую куртку. Она заметила, что скоропостижная смерть тещи тронула Женю до глубины души. Оно и понятно – с такой женщиной, какой была Ирина Владимировна, трудно, даже невозможно, иметь плохие отношения. Вряд ли на похоронах порвут три баяна, вопреки расхожим шуткам и анекдотам.

Евгений грустно покивал в ответ, жестом предложил пройти в кухню.

– Твоих нет? – спросила Инга.

– Дома. Наташка с самого утра позвонила в гримерную студию и взяла трехдневный отгул. Теперь спит, изнервничалась вся: бессонная ночь, потом полдня в морге. А Настю к соседской подружке отправили, чтобы развеялась. Для нее это тоже удар, она без бабушки и дня прожить не могла. Чаю будешь?

Инга кивнула, уронила слезу, но тотчас смахнула горячую каплю со щеки. Евгений хмуро наполнил прозрачный чайник, включил.

Кухня, свежая после недавнего ремонта, блестела белоснежными стенами, и ублажала взор плавными, гнутыми формами и ассиметричными линиями стиля «Модерн». Диодные лампочки на холодильнике и морозильнике, встроенных в мебель, испускали блеклое голубоватое свечение, демонстрируя время, температуру и даже влажность. На отдельном сенсорном экране, зажатом в черной панели между микроволновкой и кофе-машиной, поблескивали ровные квадратики электронного календаря.

За окном все еще лил дождь, пасмурное небо нависло над городом тяжелым свинцовым колпаком, погрузив мир в вечерний сумрак гораздо раньше обычного для этого времени года. Евгений включил свет на кухне, отрегулировал рукояткой диммера среднюю яркость и встал у столешницы, на которой закипал чайник. Высокий и широкоплечий, он сутулился, а от того казался ниже ростом. Темные волосы, тронутые ранней сединой, были зачесаны к затылку, открывая высокий лоб, по которому от виска к виску пролегли две параллельные складки. Черные как угли глаза грустно и устало смотрели сквозь стену.

– Когда похороны? – нарушила молчание Инга.

Евгений сдвинул плечами.

– Думаю, скоро, чего тянуть, – ответил он, – местом на кладбище она в свое время озаботилась, так что хлопот не будет.

– А результаты вскрытия?

– Сказали, будут готовы дней через десять.

– Десять?! – возмутилась Инга. – Почему так долго?

Затем вспомнила, что таков обычный порядок в большинстве медицинских учреждений. Добавила уже спокойнее:

– Было бы хорошо получить их раньше... Свяжись с моргом завтра, поговори. Можно подмазать кое-кого, я даже знаю кого...

– Да что ты, Инга, к чему спешка? – удивился Евгений. – И так все ясно.

Инга на мгновение растерялась, но быстро собралась с мыслями, нахмурилась. Встала со стула, подошла к другу и взяла его руку в свою. Он опустил на нее взгляд, слабо улыбнулся, но лицо Инги оставалось серьезным.

– Жень, я... я должна рассказать кое-что важное.

Он насторожился.

– Ты о чем?

– Присядь, – предложила она и легонько потянула его за руку. Мужчина послушно сел на стул, Инга встала напротив. В таком положении она была лишь немного выше него.

– Ты сказал, что Ирина Владимировна упоминала некие сиреневые полоски...

– Да что ты докопалась до этих полосок! – вскипел вдруг Евгений. – Мало ли что кому снится!

– Жень, во-первых, не ори, жену разбудишь. А во-вторых, попытайся выслушать меня. Твоя теща оказалась не единственной, кто видел во сне эти линии, или полоски, и после этого умер.

Лохматые брови медленно поползли на лоб.

– Ты серьезно? – пробормотал он.

– Думаешь, сейчас подходящее время для шуток? – ответила она, глядя в его темные глаза.

Евгений откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на невысокую худощавую женщину, стоящую перед ним и взирающую сосредоточенно, требовательно.

– Лады, я весь внимание, – сказал он наконец.

Инга, испытав облегчение, во всех самых жутких подробностях рассказала про инцидент с Буковским и про результаты полисомнографии, а также упомянула заключение судмедэкспертизы. Во время разговора страшно хотелось курить, но она знала, что в этой семье не курят, а выходить на балкон не позволяла погода. Пришлось взять волю в кулак и терпеть.

– Теперь понятно, почему важно как можно скорее получить заключение экспертизы? – завершила она свой рассказ. – Или хотя бы ту его часть, которая касается головного мозга.

Евгений не сводил ошарашенного взгляда с подруги, словно ждал продолжения истории, даже моргать перестал. Но Инга молчала, смотрела на него вопросительно.

– Понятия не имею, что все это значит, – сказала она, предупреждая его возможный вопрос, – но очень хочу выяснить. Мне как ученому и как человеку любопытно. Ты же сам из мира науки, понимаешь ведь. Разве вы, физики, не стремитесь выяснить происхождение необъяснимых феноменов?

– Ну да... – неуверенно пробормотал Евгений. Затем потряс головой, словно пес, оттряхивающийся от воды, и сказал: – Думаю, ты права, попробовать стоит. Слишком уж невероятное совпадение с этими чертовыми полосками.

Чайник давно вскипел и успел остыть. Хозяин почувствовал неловкость, засуетился, хотел было включить его вновь и все же угостить подругу обещанным чаем, но Инга замахала руками, сказала, что пора домой.

Стоя в прихожей, она надела все еще влажную куртку и распахнула объятия. Евгений наклонился, они обнялись.

– Наташе привет, не застала ее, – с легким сожалением произнесла Инга, вжикая молнией.

– Передам, – кивнул он и добавил: – А завтра же с утра свяжусь с моргом.

– Отзвонись, как будет что-то, лады?

– Обязательно. До скорого!

2

На следующий день Евгений не перезвонил. Не было от него вестей и днем позже. Вечером Инге стало тревожно, собралась позвонить сама, но в последний момент передумала: вспомнила, что Женя и его семья проходят через непростой период в жизни, у них сейчас масса забот, хлопот и переживаний. Инга отложила телефон в сторону, села за компьютер и набрала сыну.

Алекс ответил не сразу. Пришлось сбросить дозвон, перекурить и вернуться к ноутбуку, со второй попытки контакт состоялся. Сегодня мальчик был в приподнятом настроении, скрывались весело проведенные выходные. Стефан баловал его безбожно: и кино, и игры, и модная одежда. Пока жили вместе, Инга никогда такого не позволяла. Придется напомнить бывшему, чтобы поумерил пыл, не стоит портить ребенка. В конце разговора мальчик сообщил, что в школе все в порядке, хотя некоторые ученики теперь дразнят его расистом. Инга посоветовала не обращать внимания на дураков и не тратить на них время, ведь оно бесценно и проходит безвозвратно. Когда настала пора прощаться, она сказала с мягкой улыбкой:

– Спокойной ночи, дружочек мой.

– И тебе, мам, – ответил он и замолк, скользнул мимолетным взглядом по объективу камеры и миг спустя уже смотрел в сторону. Словно ждал чего-то или собирался сказать что-то еще.

– Ну-ка, ну-ка, – хитро прищурившись, подбодрила его Инга, – говори, не стесняйся! Помочь с домашкой? Или опять двойка по родному?

Он мотнул головой, едва слышно спросил:

– Можно, я к тебе перееду?

– Алекс, что ты! Тебе в Швеции будет гораздо лучше. Россия тоже хорошая страна, но именно тебе будет лучше на родине, правда.

– Тогда ты приезжай.

– Скоро, сынок, у меня билеты на середину октября, недолго осталось...

– Нет. Навсегда приезжай. Чтоб как раньше.

Инга помрачнела, поджала губы. Внутри заскреблось что-то холодное, липкое. Она вздохнула и так ласково, как только могла, сказала:

– Алекс, мы уже говорили об этом, я с твоим папой не...

– Не надо с папой. Ты просто могла бы жить здесь. В Стокгольме.

Инга кашлянула в кулак, рука потянулась к сигаретам.

– Это сложно, сынок, – попробовала объяснить она, закуривая. Ее взгляд забегал по экрану, клавиатуре, мышке и вернулся в объектив камеры. – В Швеции я не могу работать по специальности, для этого мне пришлось бы дополнительно учиться в университете, а иначе старше медсестры мне не подняться. Я так и собиралась сделать, в смысле серьезно взяться за учебу, когда мы с твоим отцом поженились и я переехала к нему в Стокгольм, но появился ты, и мне стало не до уроков. К тому же, ты родился... мм... особенным, а в этом случае быть мамой – работа на полный день, как минимум. Короче, ни на что другое времени у меня просто не оставалось, и я решила посвятить все свои силы тебе и семье. Об университете пришлось забыть. А потом у нас с твоим папой все... все сломалось.

Инга затагнулась и выпустила струю дыма в сторону. Алекс внимательно слушал, не глядя на экран. Он знал наизусть – слышал не раз! – все ее аргументы, и с момента расставания у нее не появилось новых. Но знать и принимать – не одно и то же.

– Так совпало, что, когда мы с папой разошлись, мои старые знакомые предложили мне должность здесь, в России. Как раз ту, о которой мечтала: в родном городе, да еще в институте, где раньше работала... ну в общем, отказаться я не смогла. Понимаешь?

Алекс молча кивнул.

– Прости меня, сынок, что так вышло. Но мы же видимся очень часто, я скоро приеду...

– И ты прости меня, – буркнул мальчик.

– Господи, а тебя-то за что?

– За то, что появился невовремя.

Инга выронила сигарету. Тут же спохватилась, нырнула под стол, а когда поднялась, услышала прощальное «Спокойной ночи».

– И тебе, малыш, – успела сказать она, прежде чем изображение исчезло.

Она несколькими глубокими затяжками докурила до самого фильтра и затушила окурок.

– Люблю тебя, сынок, – промолвила она дрогнувшим голосом в пустое окно скайпа, чувствуя, как щиплет в глазах.

Некоторое время Инга задумчиво пялилась в экран, затем захлопнула крышку ноутбука и отправилась спать.

3

Евгений объявился в обед третьего дня. Инга расправилась с ланчем и теперь рылась в рюкзаке в поисках сигарет и зажигалки, собираясь спуститься во внутренний дворик и перекурить, когда из приемной позвонили. В трубке послышался мягкий, но слегка удивленный голос администратора Марии Аркадьевны.

– Инга Юрьевна, вас тут спрашивают, – сообщила она, – говорит, друг семьи.

– Кто? – на всякий случай уточнила Инга.

– Некто по имени Евгений Исакович Гольдберг.

– Бегу!

Инга бросила трубку на рычаг и засеменила к двери ординаторской.

В фойе она увидела Женю. Он беспокойно вышагивал взад-вперед, держа «Самсунг» обеими руками, и настукивал большими пальцами сообщение, вперив сосредоточенный взгляд в широкий экран. Инга окликнула его, он замер, оторвал глаза от телефона. В них отчетливо читались смутение, растерянность и страх. Инга сразу догадалась, *что* сейчас услышит.

Она медленно подошла к нему, участливо взяла за руку. Они вышли на свежий воздух, Инга закурила. Порывы прохладного ветра принялись трепать полы ее белого халата, пытаясь пробиться сквозь броню вязаного свитера и плотных джинсов. Меж серых туч, неторопливо плывущих по небу, то и дело проглядывало солнце, которое с каждым днем зависало над горизонтом все ниже и грело все слабее.

Сделав пару глубоких затяжек, Инга тихо спросила:

– Что там?

Он сглотнул, также тихо ответил:

– Все, как ты сказала. Кровоизлияние в миндалинах, аномалия в височных долях, однако разрывы межнейронных связей отсутствуют...

– Ей повезло больше, – заключила Инга. Поймав непонимающий взгляд друга, пояснила: – Сердце отказало, и это спасло ее от невероятного ужаса и тех жутких последствий, которые постигли моего пациента. Все могло закончиться гораздо хуже.

Евгений покачал головой.

– Мистика хренова, – процедил он зло. – Разве может совершенно разным, незнакомым друг с другом людям сниться одно и то же?

Инга пожала плечами, затягиваясь и выдыхая дым уголком рта. Отвечать на риторический вопрос не имело смысла.

Они простояли под холодным ветром еще несколько минут, беседуя о похоронах и самочувствии жены и дочери Евгения. Инга предложила помощь, но он, искренне поблагодарив, отказался и заявил, что вполне справляется сам. Да и родственники тоже не сидят сложа руки. Когда Инга затоптала окурков, они направились обратно к главному входу. До конца дня было еще далеко, в ординаторской ждала куча работы.

Придя вечером домой, она первым делом накормила Жосю, которая жалобно ныла на кухне. Остаток времени провела за компьютером в поисках информации, способной пролить свет на непонятный и страшный феномен. Упорные поиски не привели ни к чему, только прозвела скайп-свидание с Алексом. В этот раз, однако, краснеть не пришлось: сын сообщил эсэмэской, что находится на вечеринке у друзей и говорить сегодня не сможет.

Пока Инга принимала душ, наслаждаясь тугими горячими струями, ей пришла мысль позвонить Алексею. Вероятно, следователю будет интересно узнать про инцидент с тещей ее приятеля. Когда вышла из ванной, на часах было двадцать минут двенадцатого. Не самое подходящее время для делового звонка, но обстоятельства зачастую вносят коррективы в правила хорошего тона. Однако Рогов на звонок не ответил.

– Что ж ты такой недоступный, а? – раздраженно проворчала Инга себе под нос и перевела телефон в беззвучный режим.

4

Рогов перезвонил в начале десятого утра, однако в этот раз недоступной оказалась Инга. Телефон заходилась трелью в ее руках, но она была вынуждена сбросить звонок: в дверях ординаторской возник Мирошниченко. Глаза его выражали ужас, он тяжело дышал, словно пробежал стометровку.

– Инга... Юрьевна! – просвистел он.

– В чем дело?

Инга отложила замолкший телефон в сторону и поднялась со своего места.

– Там... там... – лаборант показал большим пальцем себе за плечо, – там пациент.

– Какой пациент? – Инга напряглась и шагнула навстречу Дмитрию. – Что еще стряслось?

Объясни толком, не мямли!

– Новый пациент, – сглотнув, выдавил Мирошниченко, – явился без записи, желает побеседовать со специалистом-сомнологом.

– Ну?

– Говорит... говорит, кошмары замучили. Полоски!

Инге показалось, что пол уплыл из-под ног. Ее качнуло, но мгновение спустя она восстановила равновесие. Подошла вплотную к лаборанту и жестко отчеканила:

– Проводи пациента в комнату психолога, дай стакан воды и скажи, что я буду через минуту.

– Да, да. Понял.

Лаборант, нервно кивая, умчался прочь, позабыв закрыть за собой дверь.

Инга сложила в одну стопку блокнот с ручкой и свой телефон. Ее била дрожь от охватившего волнения, но она взяла себя в руки и твердым шагом вышла из ординаторской.

Комната психолога располагалась на последнем этаже здания и представляла собой тихое, уютное помещение с плотными голубыми гардинами и стенами, выкрашенными в пастельно-бирюзовый цвет. Кроме трех небольших кресел и низенького журнального столика в комнате имелся лишь книжный шкаф; в обе стороны от него по стенам тянулись полочки с расставленными на них цветочными горшками, в которых щетинились острыми иглами кактусы разных форм и размеров. Традиционная кушетка психоаналитика отсутствовала: в этом институте психоанализ не практиковали.

Когда Инга вошла в комнату, пациент уже сидел в одном из кресел. Это был полный мужчина средних лет с большой залысиной на круглой, как футбольный мяч, голове. Одетый в черную кожаную куртку с заклепками на рукавах, камуфлированные брюки с огромными карманами у колен и сапоги с металлическими вставками, он сошел бы за рокера или гота, если бы не габариты. Пузатых рокеров с тройным подбородком Инга видела только в плохих комедиях. На столике перед ним стоял в гордом одиночестве початый стакан с водой.

– Добрый день! Я – доктор Инга Вяземская, – представилась Инга. Она попыталась вложить в голос максимум бодрости и оптимизма, хотя это совершенно не соответствовало ее нынешнему настроению.

Мужчина с усилием приподнялся в кресле и потряс протянутую руку. Рукопожатие оказалось вялым и липким, Инга с трудом подавила желание протереть свою ладонь носовым платком.

– Меня зовут Валентин Шипулин, – представился пациент фальцетом, который резко контрастировал с его грузной внешностью. – Простите, я без записи, но мне сказали, что так можно.

– Совершенно верно, – подтвердила Инга и заглянула в регистрационный листок, который получила из администраторской по пути на встречу. – Тридцать три года, врач-ветеринар, жалуетесь на кошмары.

– Все так, – кивнул он, и пухлые щеки колыхнулись, – мне посоветовали обратиться именно к вам, сказали, вы – лучшая в Петербурге.

Инга зарделась и улыбнулась.

– Насчет лучшей не знаю, но пока никто не жаловался, – сказала она скромно и приготовила блокнот и ручку. – Расскажите подробнее, что за кошмары, как часто снятся и как давно начались?

Шипулин заерзал в кресле, взгляд сделался затравленным, бегающим. Инга заметила, что руки его дрожат, на лбу и лысине выступила испарина. Он вздохнул, пытаясь совладать с собой, заговорил:

– Уже дня три, как... страшно, очень страшно, ничего подобного не испытывал. И не кончается, не кончается!

Инга нахмурилась, и пациент сообразил, что его сбивчивый, невнятный рассказ вряд ли поможет врачу. Кашлянул, заговорил спокойнее:

– Все началось три дня назад или, вернее, три ночи назад. Мне приснилось сиреневое облако. Просто облако, но оно по какой-то необъяснимой причине вызвало во мне дикий, просто неопишуемый ужас. Я закричал. Долго кричал, но проснуться не мог. Моя мама... да, знаете ли, я живу с мамой, у нас «трешка» на Бабушкина, но это неважно...

Надо же, почти соседи, промелькнуло у Инги. Хотя она не могла припомнить, что видела этого грузного мужчину раньше, лицо его, да и весь внешний вид казались смутно знакомыми. Может, пересекались случайно, раз жили на одной улице, но, давно примелькавшись, Шипулин взгляда не цеплял, а обыкновения присматриваться к соседям у Инги не имелось: прожив одиннадцать лет в Швеции, где разобщенность и замкнутость – норма, Инга привыкла соседей не замечать.

– ...Мама пыталась меня разбудить, – продолжал рассказ Валентин, – но говорит, это было невозможно. Она звала меня, трясла, но я спал как убитый, однако при этом орал как резанный. Все из-за этого проклятого облака.

– Облака? – удивилась Инга. – Разве вы не сообщили совсем недавно моему коллеге про некие полоски?

– Да-да, все верно, – закивал он, – но вначале было облако. В следующую ночь оно преобразилось в три линии того же цвета. Сиреневые, значит. Они выстроились в фигуру... мм... как бы объяснить...

– Нарисуйте, – предложила Инга, протягивая Шипулину ручку и листок из блокнота.

Лицо его исказилось в ужасе, подбородок мелко задрожал. Он с опаской посмотрел на ручку и лист бумаги, как будто она протянула ему гранату с выдернутой чекой, помотал головой.

– Нет, нет, – пролепетал он, – не смогу. Верите? Не смогу, страшно до жути ту фигуру даже вспоминать, а рисовать... нет, и не просите.

– Хорошо, – Инга смяла листок, бросила в корзину для мусора, – просто опишите.

Мужчина кашлянул, потянулся к стакану, но в последний момент отдернул руку, будто решил, что вода отравлена.

– Три скрещенные посередине линии, – выдавил он наконец, – похоже... похоже на... мм...

– На букву «Ж»? – подсказала Инга.

– Точно! А откуда вы... ладно, не важно. Да, почти как буква «Ж» – одна линия стоит вертикально, две другие диагонально. Все три пересекаются в одной точке.

Шипулин задумался, затем достал носовой платок, протер взмокший лоб. Инга тоже молчала, ждала. Через несколько минут спросила:

– Что-то еще?

– Да, вот вспомнил: на вершине вертикальной линии – некое утолщение, или круг. Или шар, не уверен... но знаете, доктор, вся эта фигура вызывает у меня такой ужас, какого я никогда в своей жизни не испытывал. И еще каким-то образом во сне я понимаю, что источник моего страха – не сама фигура, не только линии или полоски, а именно то утолщение на вершине серединной линии. Оттуда исходит нечто, что делает сам знак воплощением чистого ужаса, который пробирает меня до мозга костей во сне. И даже наяву! Не знаю, что со мной, не знаю... умоляю, помогите, доктор!

– Постарайтесь успокоиться, – сказала Инга, делая записи в блокноте. – Я распоряжусь, и вы получите подходящее седативное средство. Позже, после встречи с нашим психологом, вам, скорее всего, пропишут антидепрессанты. Но прежде – ответьте еще на несколько вопросов.

– Да-да, конечно.

– Этот знак – скрещенные фиолетовые полосы – вам что-то напоминает?

Мужчина пожал покатыми плечами, взглянул растерянно и удивленно.

– Да что вы! Нет!

– Возможно, вызывает некие ассоциации, давние воспоминания? Что-то из детства?

– Ни малейших. Единственное, о чем я задумываюсь в момент пробуждения, это о своем страстном желании повеситься, чтобы никогда больше этого ужаса не испытывать.

– Вы совершали попытки суицида когда-либо в своей жизни?

– Нет, бог миловал. Причин для этого до сих пор не возникало.

– Вы принимаете или принимали когда-либо в прошлом наркотики?

– Бывало, в юности травку покуривал, – смущенно ответил он и тут же виновато добавил: – Пару-тройку раз, не больше.

– Злоупотребляете спиртным?

– Не пью вообще, принципиально, – твердо заявил он.

Инга одобительно улыбнулась, сделала пометку в блокноте.

– Психологические травмы? – продолжала она опрос.

– Жена ушла два года назад, но не сказал бы, что это была такая уж травма, – в голосе Шипулина прозвучала ирония. Он закатил глаза к потолку, пытаясь припомнить все травматичные события своей жизни. Назвал еще несколько незначительных эпизодов из прошлого, но Инга не стала их даже записывать: ничего из этого не могло спровоцировать реакцию в виде подобных кошмаров. Она напрягла память, вспомнила детали истории Буковского – совершенно никакого сходства.

– Проблемы с сердцем? – спросила Инга.

– Никогда не жаловался.

– Прекрасно, – прокомментировала Инга, делая очередную пометку, и подытожила: – Ну что ж, думаю, пока достаточно. Я предлагаю провести полномасштабное обследование вашего сна начиная прямо с сегодняшнего вечера. Этот процесс называется...

– Я не буду больше спать, – отрезал Шипулин, и на его полном, круглом лице отразились отчаяние и испуг. – Не стану!

– Но вы не сможете не спать, – осторожно возразила Инга.

– Смогу! Я принял модафинил.

– Валентин, – как можно мягче сказала она, – вы что, вечно собираетесь жить на модафиниле? Скоро его действие закончится, а станете принимать регулярно – умрете рано или поздно от передоза и истощения. Кроме того, хочу напомнить, что в России он запрещен как наркотический и психотропный препарат, так что будьте поосторожнее с ним.

– Я-не-мо-гу! – произнес он по слогам, глаза его заблестели, губы задрожали. – Вы просто не понимаете, этого не передать словами...

– Я дам вам эффективное снотворное, – спокойным доверительным тоном сообщила Инга, – оно подавляет фазу быстрого сна, вы не будете видеть снов вообще никаких. Пока спите, мы проведем обследование различных параметров вашего организма и прежде всего – мозга в фазе медленного сна.

Шипулин задумался.

– В конце концов, вы пришли к нам за помощью, – продолжала она, – а прежде чем лечить, мы должны разобраться в проблеме. Модафинил вас не спасет.

Мужчина хранил молчание, судорожно сцепив пальцы на животе. Наконец вздохнул, пробормотал:

– Ладно, попробуем. Но обещайте, что сразу меня разбудите, если вдруг я... хм... мама-то моя пыталась, но безуспешно.

Инга вспомнила, что у Буковского сердце тоже было в полном порядке, но чем это закончилось? Она вздрогнула, по спине пробежали мурашки, а в душе стало тревожно. Нахлынули сомнения: правильно ли она поступает, склоняя Шипулина к полисомнографии с применением снотворного? Если нет, то какие имеются альтернативы? Никаких – в эту ночь или в следующую он умрет, покончив с собой, если раньше сердце не откажет. Необходимо рискнуть, чтобы добиться хоть какого-то результата. А если вспышка аутоагрессии, как у Буковского? Здесь, под наблюдением нескольких человек (а она оставит на дежурство всю лабораторию в полном составе!), он будет в большей безопасности, чем дома с престарелой мамой.

– Валентин, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь вам, – нейтрально ответила Инга, – мы не можем что-либо гарантировать, поскольку случай у вас необычный, но обещаю – приложим все силы.

– Договорились, – поникшим голосом произнес пациент.

– Замечательно! Тогда прямо сейчас спуститесь, пожалуйста, в администраторскую и заполните все необходимые бумаги, а вечером к десяти часам ждем вас в лаборатории. Захватите с собой личные вещи и предметы гигиены – у нас вам придется провести несколько суток.

Инга поднялась, Валентин встал навстречу.

– Всего доброго! – сказала она.

– И вам, – хмуро ответил он, сделал шаг к двери и замер. Затем обернулся к врачу, собираясь что-то сказать, но в последний момент передумал, устало махнул рукой и, не говоря ни слова, покинул комнату.

5

Сразу после ухода пациента Инга вернулась в ординаторскую и проинформировала сотрудников о предстоящем сеансе полисомнографии и о своем решении привлечь всю группу к наблюдению. Веняминов с тяжким вздохом схватился за бороду, Малинина недовольно хмыкнула, а Мирошниченко вдруг заулыбался шире обычного. Инга строго взглянула на него, даже принялась, не несет ли спиртом.

– Не вижу повода для веселья, – резко бросила она, – случай – серьезней некуда, и мы обязаны проследить за тем, чтобы в этот раз конец сеанса не оказался столь же драматичным, как у Буковского.

– Да ради бога, – благодушно произнес лаборант, довольная ухмылка не сползала с его лица. – Всегда рад помочь науке!

– Ага, – ехидно встряла Малинина, – особенно когда альтернатива – отправиться на день рождения тещи.

Мирошниченко повернулся к посмеивающейся коллеге, собираясь отвесить какую-нибудь колкость, но Инга была не в настроении выслушивать их пикировку и громко объявила:

– Дима, подготовь седьмую палату. Начинаем в десять. Алена, – она обернулась к медсестре, которая с явной неохотой отлепила взгляд от зеркала и замерла с помадой в руках, – на тебе как обычно – наблюдение и учет. Будешь на прямой связи со мной в течение всего процесса.

Девушка лишь молча кивнула и вернулась к прежнему занятию.

– А вы, Виктор Андреевич, подключите планшет к системе, чтобы отслеживать показания приборов в реальном времени. Мы с вами будем дежурить у дверей палаты. Туда же пригоним наших охранников.

– А их-то зачем? – удивилась Малинина.

Инга прошла к своему столу и достала из рюкзака сигареты с зажигалкой. Пощупала карман халата, убедилась, что телефон при ней.

– Не знаю, – задумчиво ответила она, направляясь к двери, – но мне почему-то кажется, нам их помощь пригодится.

Инга спустилась во внутренний дворик института и вышла на свежий воздух. Погода стояла теплая, безветренная, хоть солнце и пряталось за толстым покрывалом сизых туч. Тело требовало никотина, да и товарищ следователь заждался, поди. Подходящий момент для короткой паузы. Закурив, она достала телефон и набрала Рогову.

Алексей ответил почти сразу, словно дежурил с телефоном в руке в ожидании звонка.

– Слушаю, Инга! – донесся с того конца знакомый баритон. Прозвучало несколько нетерпеливо, словно в упрек ей, что не перезвонила раньше.

– Добрый день! – сказала она и сразу перешла к делу: – У меня есть любопытная информация по делу, которое вы расследуете.

– У меня тоже, – многозначительно сообщил Рогов, – но сперва слово вам.

Инга вкратце поведала о случае с тещей Евгения и на резонный вопрос, была ли та знакома с Буковским, ответила твердое «нет». Но тут же признала, что абсолютно этого исключать нельзя. Голос сыщика стал напряженным и взволнованным, даже чуть резковатым, флегматичные нотки пропали, пока расспрашивал о деталях. А когда она рассказала о встрече с пациентом Шипулиным и о том, что сегодня вечером предстоит сеанс полисомнографии, Рогов долго молчал, после чего озадаченно протянул:

– Так-так-та-ак...

Повисла тишина. Инга нетерпеливо выхаживала по дворику и, прижав телефон плечом к уху, вытряхивала из пачки новую сигарету. Наконец собеседник вздохнул и заговорил:

– Пусть это останется между нами, но, думаю, вам будет интересно узнать, что примерно за неделю до смерти Буковского имело место еще одно происшествие. Сходное по характеру. Сегодня утром приятель из райотдела рассказал.

Инга замерла на месте, рука с сигаретой застыла у самых губ.

– Что за происшествие?

– Самоубийство при схожих обстоятельствах, – тяжело проронил Рогов. После паузы продолжил: – Девушка, двадцать два года, из Манушкино. Судя по материалам дела, психически уравновешенная, студентка медицинского, из довольно обеспеченной семьи. Близкие сообщили, что она пару дней до смерти, а точнее, ночей, мучилась кошмарами. Раньше с ней такого не случалось, а тут две ночи подряд и на третью...

– Что? – почти выкрикнула Инга.

– Во сне под руку случайно попались ножницы, лежавшие на столике у кровати. Разорванное горло, раскромсанное лицо, выскребенные глаза – словом, жуть.

– Господи! А родители? Что же они-то...

– В тот вечер их не было дома. Отдыхали у друзей.

Инга наконец закурила, глубоко затянулась. Приметила, что во дворик спустился Мотыгин, также беседуя по телефону. Он неодобрительно зыркнул на нее, видимо, счел, что ее отсутствие затянулось, но ничего не сказал и принялся прогуливаться в сторону.

– А что... – начала Инга, но поперхнулась дымом и разразилась долгим судорожным кашлем. Когда пришла в себя, закончила: – Что ей снилось?

– Вам бы курить поменьше, Инга, – участливо посоветовал Рогов без тени укоризны в голосе. – В материалах об этом ни слова, но, похоже, никто просто не подумал поинтересоваться такими деталями.

– Я почти уверена, что...

– Я тоже. Собираюсь завтра с утра побеседовать с ее отцом, чтобы убедиться.

– Боже, что же творится!

– Разберемся, – твердо пообещал Рогов.

– Алексей, извините, но мне пора, а то начальство сверкает очами тут неподалеку.

– Разумеется. – И после короткой паузы: – Могли бы мы завтра увидеться?

«С огромным удовольствием!» – чуть было не выпалила она, но прикусила язык и вместо этого чинно и слегка надменно проговорила:

– Если позволят обстоятельства, почему бы и нет.

Инга попрощалась и спрятала телефон в карман. Затушив окурочку о стенку мусорки, зашагала к прозрачным дверям, чувствуя на себе хмурый взгляд директора.

6

В начале одиннадцатого явился Шипулин – вялый, понурый и позевывающий. Очевидно, действие модафинила закончилось, и усталость взяла свое. Он стоял посреди палаты с небольшой спортивной сумкой в руках, безучастно взирая на медсестру и лаборанта; те готовили гарнитуру ЭЭГ и проверяли сигнал с камеры, прикрепленной под самым потолком. Когда все было готово, Инга выдала пациенту таблетку сильного снотворного.

– Это – этаминал-натрия, – объяснила она, заметив неуверенность в его глазах, – из семейства барбитуратов. Подавляет фазу быстрого сна, начинает действовать в течение получаса, побочных эффектов почти не производит.

Шипулин вгляделся в лекарство, словно пытался по внешнему виду определить его химическую формулу, а потом безразлично пожал плечами и закинул таблетку в рот. Малинина подала стакан воды, он молча принял его и залпом осушил.

– Будьте добры, раздевайтесь и ложитесь, – мягко велела Инга.

Пациент послушно выполнил все, что ему сказали, улегся и заерзал, устраиваясь поудобнее. Кровать еще днем прикатали из психиатрического отделения, и выглядела она необычно: на невысоких бортах, обитых изнутри серым поролоном, имелись скобы, к которым крепились широкие кожаные ремни с петлями. Шипулин опасливо покосился на них.

– Это для вашей же безопасности, – успокоила его Инга и кивнула Мирошниченко, который затянул петли вокруг запястий и лодыжек пациента и установил фиксаторы.

Полностью обездвиженный, Шипулин жалобно посмотрел на Ингу, тихо пролепетал:

– Только разбудите, если что...

Инга сжала челюсти, на острых скулах заиграли желваки.

– Обязательно, – сглотнув, выдавила она.

Мирошниченко надел на голову Шипулина сетку с тридцатью двумя электродами, а считывающую гарнитуру прикрепил к его подбородку и широкой волосатой груди. Лоб пациента поблескивал испариной, подбородок мелко подрагивал, взгляд обреченно уставился в потолок. Через несколько минут светлые глаза начали закатываться, веки опускались все быстрее, а поднимались все медленнее и вскоре не поднялись вовсе.

– По местам, – тихо скомандовала Инга и направилась к двери.

Первые полчаса прошли тихо, спокойно и без эксцессов. Инга и Веняминов сидели на стульях, выставленных в ряд напротив входа в палату. Неподалеку развалились два охранника и вполголоса обменивались грубоватыми замечаниями о вчерашнем футбольном матче. Инга строчила извинительную эсэмэску сыну, то и дело поглядывая в планшет, который лохматый сомнолог держал на коленях – гипнограмма не давала ни малейшего повода для беспокойства. Все указывало на то, что пациент находится в состоянии медленного сна, дыхательный ритм и пульс в норме, а уровень кислородного насыщения крови не превышает обычных для этой фазы сна показателей. Инга предположила, что в том вполне могла быть заслуга барбитуратов. Если это так, то возникала перспектива использовать их для временного облегчения при

кошмарах подобного рода. Однако к пониманию страшного феномена они ни на йоту не приближались.

– Я отойду на минуточку? – пробурчал Веняминов.

Инга молча кивнула и взяла планшет в руки. Бесконечные линии четырех ритмов головного мозга тянулись безмятежной чередой невысоких пиков и неглубоких впадин, количественные показатели замеров колебались, но оставались в привычном для нормального сна диапазоне.

– Инга Юрьевна, – заговорил один из охранников, – может, мы пройдемся вокруг здания, подежурим на воздухе? Курить охота...

– Курить вредно, – бросила она в ответ, не отрывая глаз от экрана планшета.

– А в туалет-то отпустите?

– В туалет – пожалуйста, но бегом и по очереди.

– А мы до утра здесь пробудем? – заскулил второй.

– Ребята, – Инга строго зыркнула на двоих молодцев, – погоняйте-ка танчики на телефонах, если нечем заняться, или в ладушки сыграйте...

Из-за двери напротив раздался леденящий душу вой. Один из охранников вздрогнул и изменился в лице, другой выронил телефон на пол. Инга подскочила и вперила взгляд в планшет – линии ритмов, еще несколько мгновений назад не предвещавшие ничего плохого, теперь вздымались и опускались почти вертикально, накладываясь друг на друга и уходя за края экрана. Картина в одночасье переменилась, теперь таблица с данными демонстрировала невероятные значения, недвусмысленно сигнализируя о том, что фаза медленного сна неожиданно сменилась фазой быстрого. Словно и не было никаких барбитуратов.

Вой зазвучал вновь – стремительно взлетел с низких октав на высокие, истончаясь пронзительным визгом. Инга шагнула к двери, взялась за ручку. Рядом встали побледневшие охранники. Она оглянулась – по коридору несясь, на бегу застегивая ширинку, Веняминов. На планшете заиграл скайп, звонили из операторской. Инга приняла вызов, в окошке возникло искаженное ужасом лицо Малининой.

– Инга Юрьевна! – вскричала она. – Вы это видите?!

– Вижу, – сглотнув, ответила Инга, затем распахнула дверь и включила в палате свет.

Шипулин встретил ворвавшихся в палату людей очередным нечеловеческим завыванием. Он лежал, дергал руками и ногами, пытаясь вырваться из кожаных оков, и с каждым рывком кровать подпрыгивала и угрожающе скрежетала. Голова его тряслась, словно под высоковольтным разрядом, и разбрызгивала бисеринки крови, которая текла по губам: очевидно, прикусил (если не откусил) язык. Сетка с электродами и гарнитура чудом держались на месте, кисти рук и ступни посинели, пережатые на запястьях и лодыжках ремнями.

Инга бросила короткий взгляд на экран, не поверила: сердце пациента колотилось, как пулеметный боек, давление подскочило до небес, пульс показывал невозможные значения. Было ясно: еще несколько секунд, и организм не выдержит перегрузки. Либо сердце, либо сосуды в мозгу, либо что-то еще.

– Вы двое, – крикнула она охранникам, – фиксируйте его руку.

Один из парней схватил Шипулина за предплечье и прижал к постели, другой взялся за плечо. Правая рука замерла, но было видно, что охранникам это стоит немалых усилий.

– Виктор Андреевич, укол!

Растерявшийся было Веняминов спохватился, достал из кармана ампулу пропофола и одноразовый шприц. Шипулин взревел, заметался еще сильнее, его мокрая от пота рука выскользнула из цепкой хватки охранника, задергалась, насколько позволяли ремни. Парень выругался, прижал ее вновь, чуть ли не навалившись всем телом.

– Готов, – перекрикивая жуткие вопли, отозвался Веняминов. В его руках подрагивал наполненный шприц, тонкая игла целилась в потолок.

– Погодите! – крикнула Инга и шагнула к самой кровати. Она решила сделать последнюю попытку разбудить пациента, прежде чем вводить мощный препарат: пропофол вызывает полное отключение сознания, как при индукции общей анестезии. Принялась хлестать Шипулина по щекам, кричать в самое ухо, чтобы проснулся, но тот игнорировал все вокруг, полностью поглощенный терзавшим его кошмаром. Глазные яблоки металась под сомкнутыми веками, похожие на юрких червяков, исступленно ищущих выход наружу.

– Колите! – сдалась она наконец.

Веньяминов взял поудобнее шприц с молочно-белой жидкостью и неуверенно шагнул к ревушему и завывающему мужчине. Бросил короткий испуганный взгляд на завлаба, в глазах застыли сомнение и страх. Оба сознавали риск: пропофол, вколотый после приема этаминала-натрия, делал перспективу Шипулина пережить эту ночь довольно призрачной. Майкл Джексон, к примеру, после этого препарата так и не проснулся. Но какова альтернатива? Инга сверилась с планшетом – показатели пульса и давления демонстрировали совершенно нереальные значения. Счет шел на секунды.

– Давайте же! – закричала она, и Веньяминов встал у края вздрагивающей кровати. Вены в изгибе локтя, да и по всей руке пациента, вздулись, будто стремились облегчить врачу выбор подходящего места для укола.

Неожиданная тишина накрыла палату плотным саваном. Движения пациента замедлились, рывки и толчки прекратились. Инга взглянула на экран и придержала Веньяминова; тот застыл со шприцем в руках – на бородатом лице отразились замешательство и непонимание. Линии ритмов выравнивались на глазах, давление и пульс стремительно падали, возвращаясь в норму. В волнении Инга сжала кулак, внимательно наблюдая за показаниями датчиков и изумляясь тому, что видела. В течение нескольких секунд фаза быстрого сна сменилась медленной. Об этом говорили и данные гипнограммы, и поведение Шипулина: теперь он похрапывал и посвистывал, но дышал размеренно, неглубоко. Охранники удивленно переглянулись, отпустили его руку и попятнулись от кровати, словно на ней лежал не человек, а бомба с активированным детонатором.

Валентин мирно спал.

– Что у вас там? – послышался искаженный динамиком голос Малининой.

Инга встряхнула головой, кашлянула и негромко ответила:

– У нас порядок: пациент в дельта-сне, колебания два герца.

– Похоже на четвертую стадию, – добавил Веньяминов, заглядывая в планшет.

Послышался стон, Шипулин заворочался. Инга мгновенно обернулась к нему, подошла вплотную. Он спал, склонив голову на бок.

– Может, разбудите? – предложила медсестра по скайпу. – Пока следующая быстрая фаза не наступила.

– Так и собиралась, – буркнула Инга и требовательно потрясла пациента за плечо.

Шипулин изможденно замычал, пробормотал что-то невнятное, но хваткие клешни этаминала никак не желали разжиматься. Инга потрясла еще, громко позвала его по имени и велела проснуться. Наконец он медленно приоткрыл мутные глаза, бессмысленно уставился на врача, сонно хлопая слипшимися от пота ресницами.

– Валентин, как вы себя чувствуете? – Инга нависла над ним и оттянула пальцем его нижнюю губу. Зубы и десна были в крови.

Взгляд пациента сфокусировался на склонившейся над ним женщине и приобрел осмысленность. По лицу пробежала тень, оно скривилось в гримасе боли и отчаяния, из глаз показались слезы. Шипулин зарыдал, мотая головой из стороны в сторону.

– Не могу-у... больше не могу-у, – заревел он, шепелявя. Язык все-таки оказался поврежден.

– Что вам снилось? – встрял Веняминов, и пациент вместо ответа зажмурился, затрясся, складки жира на животе заходили ходуном.

Инга одернула бородатого сомнолога, тот нахмурился и отступил в сторону, а она мягко проговорила:

– Успокойтесь, Валентин, расскажете позже. Сейчас выпейте воды.

Пациент сделал усилие и кое-как взял себя в руки.

– Пожалуйста, – прохрипел он, – развяжите... больно...

Инга кивнула охранникам, те торопливо освободили его от кожаных оков, а Веняминов снял электроды с гарнитурой. Разминая растертые в кровь запястья, Шипулин сел на кровати, а затем, пошатываясь, поднялся на ноги. Лоснящийся от пота живот колыхнулся, прикрыл плотным валиком верхнюю часть клетчатых семейников. Он принял стакан воды и, утолив жажду, прошлепал босыми ступнями к умывальнику в дальнем углу палаты.

Врачи и охранники молча наблюдали, как Шипулин, наклонившись над раковиной, смыл с рук кровь, плескал холодной водой себе в лицо и обтирал щеки и шею. Затем он выпрямился, взглянул в темное окно, в котором отражались палата и он сам, обернулся и уперся тоскливыми глазами в маленькую, хрупкую женщину.

– Оно улыбалось... – проговорил Шипулин. Лицо его дернулось, словно от пощечины.

Инга напряглась, сделала шаг вперед.

– То есть? – не поняла она.

Валентин промолчал, снова бросил взгляд в окно.

– Улыбалось... – неуверенно повторил он через минуту и потрясенно покачал головой.

– Что? Что улыбалось?!

Вместо ответа Шипулин с несвойственной габаритам резвостью рванулся к окну и прыгнул головой вперед, будто нырнул с вышки в бассейн. Грохот бьющегося стекла взорвал тишину; через несколько секунд послышался гулкий шлепок, а за ним – разноголосый перезвон падающих осколков.

7

Пронизывающий северный ветер отчаянно терзал кроны озолотившихся берез, собирая облетевшей листвой свою законную дань. Низкое небо хмурилось и грозило разразиться ливнем, заставляя суetyащихся на земле людей томиться тягостным ожиданием шторма. Парк Сосновка в этот предзакатный час обезлюдел, покинутый и заброшенный, отданный на поругание непогоде. По пустынным аллеям неторопливо прогуливались рослый темноволосый мужчина и невысокая худощавая женщина. Шли неспешным размеренным шагом, будто над ними светило ласковое солнце, а не бушевал холодный осенний ветер.

– Что теперь? – подытожил услышанный рассказ Евгений.

Инга дернула узкими плечами.

– Посмотрим, – неопределенно ответила она, зевая на ходу; бессонная ночь давала о себе знать, – но на сегодня точно известно одно: я временно отстранена от должности.

Мужчина недовольно хмыкнул, покачал головой.

– То есть это все твоя вина? Так выходит?

– Что-то вроде того, – Инга саркастически усмехнулась. – Такая трагедия и без виноватых? Так не бывает, только не у нас.

Она помолчала, морщась на ветру. Потом добавила:

– Хотя Мотыгина я понимаю – два похожих происшествия чуть ли не подряд, и оба в лаборатории, за которую отвечаю я.

– Происшествия связаны с нарушениями сна, которыми ты и занимаешься, – не удивительно, что ты причастна. Но это не означает, что ты виновна.

– У руководства иная логика.

– Логикой подобный ход мыслей назвать трудно.

– Это еще не все, – Инга взглянула на приятеля снизу вверх, невесело усмехаясь, – меня вызвали на допрос в ФСБ, в понедельник с утра.

– При чем здесь?..

– А ты что думал! Все! Как сказал Мотыгин, шутки кончились. Дело передали им, полиция больше этим не занимается. Читал новости сегодня утром?

– Ты знаешь, как я отношусь к новостям.

– Ну да, – покивала Инга и мягко улыбнулась, – затворник и мечтатель.

Он вернул улыбку, спросил:

– Так что в новостях-то?

– Да так, ничего такого, чего бы мы не знали. Дело не в содержании, а в самом факте: информация просочилась, по всему медийному пространству поползли слухи. Час назад мне звонил Дима, лаборант, сообщил: приезжали репортеры, задавали вопросы, искали меня, желали взять интервью.

– У тебя появился шанс стать звездой телеэфира.

– Угу, представляю заголовки завтрашних газет: «В Санкт-Петербурге орудует сомнолог-убийца!».

Евгений рассмеялся, приобнял женщину за плечи, она охотно прижалась к его теплому, уютному боку. В плотном вязаном свитере под кожаной курткой, он источал жар, неподвластный северному ветру. Инга, как всегда, оделась не по погоде – рубашка навыпуск, накинутая на футболку, грела вяло и неохотно, даже застегнутая под самое горло. А ветер крепчал.

– А что твой следователь? – любопытствовал Евгений. – Как комментирует передачу дела бойцам невидимого фронта?

Мой? Ага, как же! Чей-то, но не мой...

– Рогов? – невинно переспросила Инга. – Опять пропал, ни слуху ни духу. Это с *ним* я должна была сейчас гулять по парку...

– Прости, что нарушил твои планы, – виновато сказал Евгений.

– Не говори чепухи, планы нарушились сами. С Роговым мы еще вчера договорились о встрече, а сегодня он на звонки не отвечает весь день. Он собирался поговорить с родителями самой первой из известных жертв этих... мм...

– Полосок?

– Их самых.

По лицу хлестнули холодные капли. Дождь начинался неспешно, но набирал силу уверенно, с каждой минутой превращаясь в ливень. К счастью, к этому времени Инга и Евгений оказались поблизости от выхода из парка. Пригнувшись, словно под обстрелом, они побежали в сторону стоянки, где свою хозяйку дожидалась голубая тойота. В машину ввалились мокрые, продрогшие и запыхавшиеся. Инга тотчас завела двигатель, и скоро в салоне потеплело.

– Подкинешь до дома? – попросил Евгений.

– Не вопрос.

Инга вырулила с парковки и свернула на Светлановский проспект, погнала сквозь ливень на северо-восток.

– Жень, есть идеи? – задумчиво осведомилась она, не отрывая глаз от дороги. – Что это за хрень творится?

Мужчина пожал широкими плечами, ответил неуверенно:

– Много размышлял об этом... реалистичных предположений нет. Все, что приходит в голову, похоже на голливудский бред: или эпидемия некоего нового вируса, или изощренный теракт, или кто-то испытывает на людях пресловутое психотронное оружие, о котором столько говорят, но которое никто никогда не видел. Не удивительно, что ФСБ взялась за это дело.

Инга покачала головой, взгляд сделался встревоженным, напряженным.

– Возможно, – проговорила она, – хотя мне кажется, здесь что-то другое.

Он вопросительно уставился на нее.

– Что-то другое... – рассеянно повторила она. – Я не чувствую чьего-то злого умысла, похоже скорее на некий необъяснимый феномен человеческого сознания. Определенно, это нечто такое, что необходимо глубже исследовать всеми доступными средствами.

– Придется ждать следующего пациента, – невесело усмехнулся Евгений.

– Отчего-то у меня предчувствие, что через три дня объявится новый несчастный.

8

Путь от парковки до входа в подъезд вымочил Ингу до нитки. Заперев за собой дверь квартиры, она выскользнула из туфель и направилась напрямик в ванную, оставляя за собой следы промокшими подошвами ног. Жося настороженно принималась к ворвавшимся в прихожую запахам и провожала сочувственным взглядом хозяйку.

Простояв под горячим душем четверть часа, Инга – красная, распаренная и укутанная в велюровый банный халат – заварила себе чашку крепкого зеленого чая и уселась в кресло перед компьютером. Оставшийся до скайп-свидания с сыном час она, попыхивая сигаретой, провела в интернете, просматривая ссылку за ссылкой в поисках какой-либо информации, которая хоть как-то могла бы пролить свет на новый сомнологический феномен – настолько же странный, насколько и страшный. Всезнающий гугл, однако, оказался бессилён даже намекнуть на возможное объяснение, не то что дать исчерпывающий ответ.

Любопытно было прочесть коротенькие новостные заметки в нескольких крупных интернет-изданиях. Статьи повествовали о двух загадочных случаях самоубийств в Петербургском институте психиатрии и неврологии и излагали ход событий достаточно корректно, обходясь без бульварного накручивания страстей и излишнего драматизма. Другая статья, на которую Инга наткнулась совершенно случайно на блоге одного малоизвестного журналиста, оказалась, как ни странно, содержательней предыдущих и вкратце рассказала о трех известных на сегодня случаях самоубийств, совершенных вследствие приснившихся кошмаров. Понятное дело, о происшествии с Ириной Владимировной журналист знать не мог: официальная причина ее смерти – инфаркт и кровоизлияние в мозг. Повествуя о необычных случаях суицида, журналист упомянул студентку из Манушкино и двух Ингиных пациентов, а также сослался на слухи из «надежных источников» о том, что все три жертвы накануне смерти видели во сне некий зловещий знак. Почему журналист счел его зловещим, не объяснялось. Не обнаружив для себя ничего нового, Инга собралась было закрыть страницу, но взгляд в последнее мгновение упал на комментарии читателей, среди которых одно сразу бросилось в глаза. Некий посетитель блога под ником Юрасик прокомментировал статью так: «Похоже на массовое памешательство! Этот знак теперь всем падряд сница, мой дедуля царство ему небесное тоже видел знак из пурпурных полосок и умер от сердца...»

Дыхание перехватило, в висках застучало. Вот так! Еще один! Она обшарила весь Рунет в поисках прочих сообщений от Юрасика, но нашла только пару его матюгов в отзывах об одном из последних российских триллеров. Единственное, что удалось выяснить об этом пользователе, – он проживает в Санкт-Петербурге и комментарий в блоге запостил несколько часов назад. Когда именно с его дедом произошла трагедия, оставалось только гадать.

Дальнейшие поиски прервал скайп-звонок. Инга улыбнулась, приняла вызов.

– Привет, мам! – мальчик казался хмурым, смотрел, как всегда, в сторону, но сидел, повернувшись чуть боком.

– Здравствуй, сынок! – Инга наклонилась к экрану, вглядываясь в изображение. – Как ты?

– Все очень хорошо.

– Правда?

– Правда...

Алекс с видимым усилием посмотрел прямо в объектив камеры и задержал взгляд на пару мгновений, но сразу же отвернулся.

– Может, расскажешь?

– О чем?

– О том, что у тебя на левой щеке.

Мальчик коснулся ссадины на скуле, поморщился.

– Случайно получилось, – виновато произнес он.

– Так, – подбодрила Инга, – а подробнее?

Алекс завис и молчал почти минуту, неотрывно глядя куда-то в сторону. Потом тихо промолвил:

– Халед...

– Какой Халед? Тот, что из Ирака?

– Ага... обругал меня. Аутичным расистом. Я назвал его тупицей. Он меня ударил.

Вновь молчание.

– А ты? – Подлокотники кресла жалобно скрипнули под пальцами Инги. Она подсказала: – Пожаловался фрекен?

Мальчик помотал головой.

– Ударил. Тоже.

Инга с трудом удержала ругательство, вдохнула и выдохнула.

– Он опять, – продолжал рассказ Алекс, поглаживая разбитую скулу, – и я опять. Сильно. Много.

– О господи... Алекс, ну как же так!

Он дернул плечами, поник.

– И что потом?

– Скорая приехала. Потом полиция. Папа пришел в школу. Завтра пойдет снова.

Инга откинулась на спинку кресла, закрыла глаза. Внутри все сжалось, сердце застучало. Миг спустя она подняла веки, встретила пристальный взгляд синих как небо глаз, который тотчас уплыл в сторону.

– Прости, мам.

Инга снова прильнула к экрану, заговорила, но голос зазвучал резче, чем хотелось:

– Сынок, разве мы с папой не учили тебя, что драться нехорошо? Разве папа тебе не объяснял, что, если у тебя конфликты в школе, необходимо жаловаться учителям?

Он виновато покивал, но промолчал. Инга собралась попросить его позвать папу, чтобы обсудить ситуацию, но мальчик вдруг выпалил:

– Разве ты не говорила, что каждый человек должен уметь защищать себя?

Инга обомлела, растерялась, не зная, что ответить на фактически верное замечание. Да, говорила, и не раз. Саму такой растили родители, и, оглядываясь на свою жизнь, Инга признавала, что они в выборе нравственных ориентиров для своей дочери не ошиблись. Хоть и не все было гладко в ее отношениях с отцом и покойной матерью, за такое воспитание она не могла испытывать к ним никакого иного чувства, кроме благодарности.

Растя ребенка в Швеции, Инге вечно приходилось искать компромисс между тем, что считала правильным сама, и теми ценностями, которые считало правильными общество и, прежде всего, государственная система, поставившая во главу угла идеалы толерантности и политкорректности. Инга ничего не имела против этих практик, но считала, что они давно превратились из терпимости к иному образу жизни и из элементарного желания не обидеть в пропаганду двуличия и лицемерия. Искать компромисс и сохранять баланс – эти стремле-

ния определяли чуть ли не каждое слово или действие в процессе воспитания сына. Теперь же стало очевидно, что в этих поисках она потерпела фиаско.

А еще ее учили, что близким лгать нехорошо.

– Ты прав, сынок, – собравшись с духом, ответила она, – если не было иного способа решить конфликт и защитить себя, то ты поступил правильно.

– Почему тогда плачешь, мам? – Алекс вперил испытующий взгляд в объектив, приблизил лицо.

Инга и не заметила, как уронила слезу. Хорошее качество видеосвязи бывало порой так не к месту.

– Прости, Алекс, просто мне...

– Стыдно? За меня стыдно?

– Что ты! В том, что ты сделал, нет ничего постыдного, ты же защищался...

– Дело не в этом. Не в том, что я сделал.

– А в чем же? – Инга непонимающе нахмурилась, быстрым движением смахнула слезы с ресниц.

Мальчик насупился, угрюмо молчал.

– Ты *меня* стыдишься, – произнес он наконец, и по тону было не понять, вопрос ли это.

– Алекс...

– Стыдишься, – повторил он, на этот раз увереннее. – Всегда стыдилась.

– Нет, что ты...

– Потому и уехала!

Скайп тренькнул и отключился. Инга осталась сидеть неподвижно, тупо уставившись в экран. Минуту спустя, сбросив оцепенение, медленно потянулась к сигаретам и зажигалке.

9

От Рогова не было вестей три дня. За это время Инга набрала его номер, наверное, раз пять или шесть. Не то чтобы ей не терпелось узнать содержание его разговора с родителями погибшей студентки: вне всяких сомнений, они расскажут о сиреневых полосках, если их дочь была откровенна, а если скрытничала – то ни о чем ином, кроме общего описания ее ночных страданий. Однако Алексей вел себя странно. Да, его отстранили от дела, но ведь он к нему проявлял искренний интерес – неужели теперь ему не хочется узнать, как прошел сеанс полисомнографии с Шипулиным? Конечно, подробности недавнего происшествия легко почерпнуть из новостей, но отказываться от возможности получить их из первых рук так на него не похоже.

За эти три дня Инге пришлось понервничать из-за неприятностей с сыном. Тему странных обвинений и недосказанности с его стороны она решила пока не поднимать, но сделала себе пометку поговорить с сыном по душам позже, когда улягутся страсти вокруг недавнего инцидента в школе.

Зато пообщалась со Стефаном и узнала, что у того состоялся разговор с директором школы, а затем с разгневанными родителями побитого одноклассника. Поскольку дело зарегистрировали в полиции, сигнал об инциденте поступил в социальную службу. В пятницу после обеда Стефану звонили из отдела опеки и попечительства муниципалитета Вермдё, в котором Алекс был зарегистрирован, и вызвали на собеседование на следующей неделе в связи с происшествием в школе. Инга предложила приехать и принять участие в беседе, благо она сейчас временно безработная и отпрашиваться не придется. Но купить билеты по приемлемой цене за такой короткий срок было практически невозможно, да и Стефан заявил, что держит ситуацию под контролем и в помощи не нуждается. Инга решила положиться на его слово, но строго наказала оставить сына дома на несколько дней, чтобы ребенок пришел в себя от потрясения.

Стефан возражать не стал и пообещал взять в школе задания по всем предметам, чтобы занять Алекса на время его вынужденных каникул.

Субботний день Инга решила посвятить полноценной уборке, которой занималась гораздо реже, чем следовало. Вечером с удовольствием провела почти час в горячей ванне, отдыхая и расслабляясь, а когда вылезла, красная как вареный рак, натерлась кремами и решила лечь спать пораньше. Перевела телефон в беззвучный режим, выключила ночник и, закрыв глаза, принялась наблюдать, как сознание медленно покачивается, точно на волнах, и постепенно погружается в желанный мир забвения. Телефон вжикнул, но Инга последней частичкой угаасающего сознания решила, что это пришла очередная реклама или уведомление – подождет до завтра, – и провалилась в долгожданный сон.

10

Пробудившись утром, Инга ощутила себя хорошо отдохнувшей. То ли сказала горячая ванна накануне, то ли просто как следует выспалась. А может, причина и в том, и в другом. Надо больше отдыхать и чаще баловать себя, сделала она резонный вывод.

Откинув одеяло, Инга бодро вскочила, набросила халат и, захватив с прикроватного столика телефон, направилась в ванную. «Разбудила» экран и замерла на пороге спальни. Иконки в верхнем левом углу демонстрировали три непрочитанные эсэмэски и один пропущенный звонок – все от Рогова! Не веря своим глазам, она провела пальцем по экрану, открыла первое СМС-сообщение, которое содержало лишь одно написанное капслоком слово: «ПОМОГИ!!!!»

Сердце сорвалось и рухнуло в преисподнюю. Она сглотнула липкий комок, открыла второе сообщение, которое отстояло от первого лишь на три минуты: «Думал, справлюсь сам... не могу... помоги!!!»

Далее по времени следовал пропущенный звонок, а десять минут спустя – последняя эсэмэска с домашним адресом и с настойчивой просьбой приехать и помочь. Она была отправлена примерно в половину второго ночи.

– Твою ж дивизию... – потрясенно пробормотала Инга. Ее качнуло, она прислонилась к косяку двери.

Что это значит? Что может заставить опытного и самоуверенного следователя так отчаянно просить у нее помощи? В голову приходил лишь один ответ.

Инга набрала Рогова, но в этот раз не последовало даже гудков дозвона – мелодичный женский голос незамедлительно сообщил, что телефон абонента отключен или находится вне зоны доступа.

На мгновение Инга растерялась. Вопрос «что делать?» сиреной завыл у нее в голове, мешая сосредоточиться и спокойно подумать. Закурила. С первыми затяжками пришло очевидное решение: надо ехать. Она догадывалась, *что* происходит с Алексеем, и при этом понятия не имела, как сможет ему помочь. Но не приехать просто не могла.

Инга торопливо затушила недокуренную сигарету и бросилась в ванную. Быстрый душ, впопыхах проглоченный завтрак, и полчаса спустя она, кое-как одетая, заперла дверь квартиры и поскакала вниз по ступеням. На ходу мысленно извинилась перед Жосей, что забыла насыпать ей в миску еды.

Пункт назначения находился на одном из центральных проспектов Санкт-Петербурга. В это воскресное утро на дорогах было просторно, Инга без труда домчала до цели. Однако подъехать прямо к дому не вышло, пришлось припарковаться у обочины метров за триста: дальше, как она помнила, приткнуть машину будет просто некуда. Захлопнув дверцу и заперев замок, она зашепила вверх по проспекту, внимательно отслеживая таблички с номерами домов.

Небо отряхнулось от туч и теперь демонстрировало свою безукоризненную синеву. Осеннее, но все еще теплое солнце вырвалось на свободу и согревало продрогший от штормов

северный город. Замечательная погода, однако, диссонировала с отвратительным настроением. Сердце колотилось, а внутри все сжималось, пока Инга быстрым шагом двигалась вдоль улицы, отчетливо видя перед собой темную громаду ожидающих ее дурных вестей.

Наконец показался нужный дом. Инга свернула в подъезд и взбежала по ступеням на третий этаж, остановилась перед квартирой с номером сорок четыре. Прислушалась – тихо. Нажала на кнопку звонка, через несколько мгновений раздались приглушенные шаги, щелкнул замок и открылась дверь.

На пороге стояла высокая молодая женщина, светловолосая, с бледным лицом и опухшими голубыми глазами. Длинное черное платье, застегнутое под самым горлом, плотно облегло высокую грудь и тонкий стан, просторным куполом спадало к ногам, подчеркивая белизну узких ступней с идеальным педикюром. Ее прямой нос розовел вокруг ноздрей, очевидно от частого сморкания, белки глаз покрывала сеточка лопнувших капилляров. Женщина окинула печальным взглядом гостью, растерянно спросила:

– Вы из больницы?

– Да... – машинально ответила Инга, но тут же поправилась: – То есть нет, из Института психиатрии и неврологии.

– Так вы Инга? – просияла женщина. Ровную линию губ тронула едва заметная улыбка.

– Да... – опешив, ответила Инга, – а вы...

– Я собиралась вам звонить, – женщина снова погрузилась, голубые глаза заблестели, – Леша много говорил о вас.

Инга удивленно развела руками, собралась что-то сказать, но ей не дали.

– Я – Анастасия, сестра Лешки. Проходите.

Она отступила, позволив гостье войти.

Квартира была небольшая, однокомнатная, но обставленная добротной, качественной мебелью, светлая и уютная. У стены – длинный диван, напротив – здоровенный телевизор с плоским экраном. Книжные полки поднимались лесенкой по обеим сторонам от телевизора до самого потолка. Дубовый паркет, выложенный традиционной елочкой, отсвечивал бликами, отражая проникающий из широкого окна солнечный свет. Инга вздрогнула, когда ее взгляд упал на участок пола в дальнем углу комнаты, где белым были очерчены контуры распростертого человеческого тела. В стене примерно в метре над полом темнело круглое отверстие, а под ним – алые потеки, тянущиеся до самого плинтуса.

Инга подняла глаза на Анастасию, та стояла рядом, по ее бледным щекам бежали слезы. Она покивала, как будто отвечала на немой вопрос гостьи, затем дрогнувшим голосом вымолвила:

– Сегодня ночью...

– Но... – Инга задохнулась и всхлипнула, однако быстро совладала с собой, закончила вопрос: – Почему?

Анастасия достала из кармашка носовой платок, промокнула уголки глаз.

– Разве он не говорил?

– Нет, – покачала головой Инга, – последний раз мы с ним разговаривали по телефону дней пять назад или четыре... его голос звучал вполне жизнерадостно.

Анастасия опустила на краешек дивана, Инга присела рядом.

– Последние три дня с ним творилось нечто ужасное, – начала рассказывать молодая женщина, глядя в свои ладони, словно зачитывала текст с бумажки. – Звонил мне, жаловался на кошмары, нес какую-то околесицу про страшную сиреневую букву и все такое. Он пытался... пытался справиться сам, говорил, что его сознание облучают неким таинственным устройством и что он не может противостоять им...

– Кому? – Инга потянулась к карману джинсов за сигаретами, но вовремя остановилась.

– Я не знаю, не знаю, – она пожала плечами, отвернулась в сторону и высморкнулась. – Леша говорил, вы в состоянии ему помочь, пытался найти вас, когда понял, что не справляется...

– Он звонил мне в ночь на сегодня, но я спала, – виновато развела руками Инга, – и... Анастасия, по правде говоря, я не смогла бы ему помочь. Мне очень жаль...

Женщина посмотрела на гостью с такой тоской, даже обидой, словно ожидала, что та воскресит погибшего брата, а вместо этого – «не смогла бы помочь».

– Скажите, – заговорила Инга после недолгой паузы, – Алексей рассказывал что-то еще о своих снах?

Анастасия неуверенно пожала плечами, призадумалась, потом начала:

– Леша был так взволнован, напуган, его трудно было понять. Он говорил сбивчивой, истеричной скороговоркой, будто сам не свой, я его совершенно не узнавала, он никогда в своей жизни таким не был! После первого звонка я решила, что он напился. Знала, что не пьет, но всякое бывает... а потом вторая ночь и опять: страшная буква, облако, сиреневые полосы – словом, настоящий бред. После второй ночи он перестал выходить из дома, взял отгул на работе, не желал ни с кем говорить. Даже со мной. Так жалею, что не навестила его вчера, может, смогла бы что-то изменить, остановить. Ну и сегодняшняя ночь...

Анастасия всхлипнула, но сдержала слезы, продолжила:

– Позвонил мне посреди ночи, что-то около двух. Рыдая в трубку, рассказал еще об одном кошмаре, от которого только что пробудился. Тогда-то и упомянул вас, сказал, что необходимо отыскать сомнолога Ингу Вяземскую, мол, только она сможет помочь. Он звонил по видеосвязи через ватсап. Я увидела его, сидящего на корточках вон в том углу, дрожащего... лица не узнать – искаженное в ужасе, потное, исцарапанное... зрелище было жуткое.

Инга побледнела, сочувственно кивнула. Пытаясь унять дрожь в голосе, спросила:

– Что ваш брат рассказал о своем последнем сне?

– Ох, – Анастасия всплеснула руками, – сущую несусазицу: страшная буква ему улыбнулась. Представляете? Буква *улыбнулась*! Бедный Леша, он просто лишился рассудка... но почему? Как так?! У нас же в роду никогда не было...

Здесь она не сдержала чувств и разрыдалась в полный голос. Инга не знала, что сказать, чем утешить. Дар речи потерялся, заблудился в переплетении разбушевавшихся нейронов. Она схватилась за голову, закрыла глаза, яростно потерла виски. Мысли заиграли в чехарду, бросая вызов любым попыткам упорядочить их ход.

Не в силах больше оставаться на месте, Инга вскочила с дивана и выметнулась из комнаты. В прихожей наскоро обулась, схватила куртку и выбежала из квартиры, прочь от сюрреалистического абсурда, прочь от фантазмагии и бредовых сюжетов; навстречу ясному и понятному миру – осязаемому, состоящему из голубого неба, ласкового солнца и прохладного осеннего ветра.

Глава третья. НЕСТРАШНЫЙ КОШМАР

1

Ведущая поприветствовала телезрителей тщательно отрепетированной пластмассовой улыбкой, но затем ее точеное лицо, обрамленное роскошными светлыми локонами, приобрело озабоченный вид, и она заговорила встревоженным голосом:

– Начнем наш выпуск с новых подробностей в деле застрелившегося сотрудника правоохранительных органов следователя Алексея Степановича Рогова, который, напомним, был найден позавчера в собственной квартире. Наш корреспондент побеседовал со следователем Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу Андреем Рыльцевым, который сообщил, что дело взято на особый контроль и все материалы строго засекречены. Однако Рыльцев признал, что ФСБ не исключает версии о действиях иностранных спецслужб. На данный момент проводятся опросы свидетелей и прочие следственные мероприятия, и в скором времени ожидается официальное заявление органов безопасности по этому набирающему ход делу.

На экране появилась фотография улыбающегося Рогова, дикторша продолжала репортаж:

– Напомним, что речь идет о серии странных самоубийств, вызванных кошмарными сновидениями необычайной интенсивности. Во всех зарегистрированных случаях несчастным снился некий таинственный знак, который якобы заставлял их лишать себя жизни. Наши корреспонденты попытались связаться с врачом-сомнологом Ингой Юрьевной Вяземской-Розенквист, – на экране возникла старая фотография Инги, добытая журналистами, очевидно, из институтского отдела кадров, – которая являлась лечащим врачом двух погибших пациентов и, кроме того, была лично знакома с застрелившимся следователем Роговым. Однако доктор Вяземская отказывается от контактов с прессой. По сведениям из надежных источников, следствие в настоящий момент устанавливает факты, могущие пролить свет на ее возможную причастность к загадочным самоубийствам. А теперь к другим новостям...

Майор ФСБ Рыльцев выключил телевизор и развернулся к сидевшей напротив женщине. Окинул ее цепким изучающим взглядом, задержался на руках – маленьких, но изящных с длинными ровными пальцами, на небольшой, но заметной сквозь обтягивающую футболку груди, затем всмотрелся в ее внимательные светло-карие глаза, окруженные россыпью бледных пятнышек.

Допрос свидетельницы, коей врач-сомнолог пока значилась в деле, подходил к концу. Подкрепить эффект сгущающихся над ней туч он решил с помощью выпуска новостей, намекая устами телеведущей на непростую ситуацию, которая сложилась вокруг подозрений в причастности Инги Вяземской к самоубийствам.

Черные брови майора сошлись на переносице, когда он строго спросил низким гнусавым голосом:

– Ну что, доктор Вяземская, что скажете?

Инга безразлично пожала узкими, худыми плечами, закатила глаза.

– Что вы хотите, чтобы я сказала? – спросила она прямо. – Моя единственная связь с этими трагическими происшествиями состоит в том, что я была лечащим врачом Буковского и Шипулина. А Рогов проводил со мной допрос...

– Вы с ним неоднократно созванивались, – бесцеремонно перебил Рыльцев, – у нас есть распечатка ваших и его звонков. А в последнюю ночь так вообще...

– Разумеется, созванивались. Даже встречались. Рогов интересовался результатами полисомнографии Буковского, что вас удивляет?

Майор покачал крупной и тяжелой, как валун, головой.

– Меня удивляет и беспокоит, что вы были непосредственно знакомы с большинством погибших от кошмаров людей, – жестко произнес он и положил руки на стол. Его широкие волосатые кисти казались похожими на обезьяньи лапы.

– Большинство? – с сомнением переспросила Инга.

– Давайте посчитаем, – предложил Рыльцев и принялся загибать пальцы, – Буковский, Шипулин, Рогов...

– Девушку-студентку и деда-пенсионера я не знала!

– Это сейчас выясняют. Но вы забыли еще об одной жертве...

Майор плотоядно ощерился, заметив, как женщина напряглась.

– Вы ведь поняли, о ком я, не так ли? – он криво усмехнулся и победно закончил: – Ирина Владимировна Орлова, теща вашего близкого друга, с которым вы общаетесь... мм... с каких пор?

– Со школы, – вынужденно признала Инга, но взгляда не отвела и продолжила смотреть майору прямо в его глубоко посаженные глаза. – И что? У нее был инфаркт.

– Не пытайтесь юлить, доктор Вяземская, нам прекрасно известно, что ей снился тот же знак, что и остальным, и кошмарами она мучалась три ночи подряд непосредственно перед смертью. Мы допросили ее дочь. Думаете, здесь дураки работают?

– Ваш айкью я не проверяла, – ровным голосом заявила Инга, – но даже ее смерть не имеет ко мне...

– Это мы скоро выясним, доктор, а пока выясняем, к вам убедительнейшая просьба: пределов Санкт-Петербурга не покидать. Я бы не хотел по крайней мере сейчас оформлять эту просьбу в официальную подписку о невыезде, но не забывайте, что ваш статус свидетеля очень легко может поменяться на совсем иной. Вы ведь понимаете, о чем я?

Инга вздохнула, хмуро бросила в ответ:

– Понимаю. Но вы не там ищите.

– Разберемся, – многозначительно пообещал майор и поднялся, давая понять, что разговор окончен, – можете идти.

Она отвесила кивок и, сухо попрощавшись, вышла из кабинета.

2

Остаток дня Инга провалялась в постели, раздумывая, не напиться ли до зеленых соплей. Герои «крутых» блокбастеров, попадая в сложные ситуации, частенько поступали именно так, и, судя по энтузиазму, с каким они надирались, состояние крайнего алкогольного опьянения обещало мгновенное решение всех проблем. Но она, даже находясь во включенном режиме нытика, не могла позволить себе такую роскошь. Точнее, не хотела. Просто не хотела. Если бы выпивка, рассуждала Инга, приносила не то что полное избавление от проблем, а хотя бы некоторое перманентное облегчение, может, и решилась бы. Но, прекрасно понимая, что «реально забухать» есть элемент непритязательной тинейджерской романтики, она отказалась от позорных мыслей. Вместо этого сделала нечто иное, не менее для себя непривычное: переделалась в спортивную форму, вышла на улицу и направилась напрямик в парк, благо погода располагала. На выстланных опавшими листьями тропинках занялась бегом и стала наворачивать круг за кругом, пока не ощутила, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Только тогда вернулась домой, физически истощенная, но в приподнятом настроении.

Горячая ванна, стакан крепкого чая и сигарета довершили начатое. Почти веселая, Инга уселась за компьютер в ожидании звонка из Стокгольма.

Скайп заиграл в начале десятого. Инга приняла звонок и, широко улыбаясь, поприветствовала сына.

– Привет, мам! – ответил Алекс и сразу объявил: – Я не стал просить прощения!

Инга поморгала, уточнила:

– У Халеда?

– Да.

– Почему?

– Я не сделал ничего постыдного. Я защищался.

– Ну да... – неуверенно согласилась Инга и спросила: – А кто предложил тебе извиниться?

– Фрекен Хартман и папа.

– И папа?

– Ага. Они вчера говорили. Сегодня фрекен велела. При всем классе. Я сказал нет.

Мальчик, как обычно, прятал взгляд, но в его голосе отчетливо звучала гордость. Поколебавшись мгновение, Инга поинтересовалась:

– А Халед тоже должен был просить прощения?

– Нет. Только я.

Инга скрипнула зубами, прищурилась, но заставила себя мягко улыбнуться.

– Сынок, давай мы с тобой попозже поговорим, а сейчас позови-ка папу. Мне нужно кое-что спросить.

– Пока! – бросил на прощанье мальчик и убежал звать отца.

Прошло несколько минут, прежде чем диалоговое окно скайпа заполнило щекастое мужское лицо. Крупный нос торчал клином меж больших голубых глаз, добродушно взиравших из-под белесых бровей. Волосы цвета соломы торчали во все стороны: приняв вечерний душ, Стефан обычно не расчесывался. «А зачем, – задавался он вопросом, когда Инга в бытность женой указывала ему на расческу, – если через пару часов в постель, а утром снова в душ?»

– Здравствуй, Инга, – прогудел он басом, убедившись, что сын оставил его с мамой наедине.

– Здравствуй, – холодно поприветствовала она, перейдя на шведский, – много времени не отниму. Объясни, пожалуйста, как так случилось, что Алекс оказался единственным, кто должен был извиняться?

– Так и знал, что об этом спросишь.

– Еще бы! Ты считаешь это нормальным?

– Ситуация сложнее, чем ты думаешь, – резковато заявил Стефан.

– Дети просто подрались, что здесь сложного? – ее голос зазвучал железом. – Им по одиннадцать-двенадцать лет.

– Все так, – терпеливо, но твердо сказал мужчина, – но у Халеда выбит передний зуб, разбита губа, а под глазом синяк. И это не считая ссадин и синяков по всему телу.

– А у Алекса?

– Ссадина на щеке, и все!

– Нет, не все! – Инга не удержалась и повысила голос. Стефан сдвинул светлые брови, но огрызаться не стал, хмуро смотрел в объектив камеры, ожидая продолжения. – У кого синяков больше, тот и жертва? Так, что ли?

К возмущению Инги, он утвердительно кивнул. Хотел было аргументировать, но Инга опередила, голос ее задрожал от ярости:

– Дело не в количестве синяков, Стефан. Неужели ты не понимаешь? Алекса гнусно оскорбили и подло унизили. Фактически, назвали неполноценным, ткнув носом в его диагноз, и к тому же ударили первым. Ты же не станешь утверждать, что все это весит меньше, чем выбитый зуб?

Стефан глубоко вздохнул, было заметно, что он призывает в подмогу весь запас своего нордического спокойствия. Голос его зазвучал ровно и подчеркнуто вежливо:

– Ты знаешь, как здесь все работает. Слова – это слова, а действия – это действия, то есть две разные категории оценки поступков. Кроме того, Алекс назвал Халеда тупицей, очевидно позабыв о том, что тот – самый отстающий ученик в классе.

– Почему Алекс должен думать об успеваемости Халеда? Он не его папа.

– Потому что в этом случае высказывание нашего сына прозвучало таким же гнусным оскорблением, как и эпитет Халеда.

– Ты сейчас цитируешь эту долбанную фрекен Хартман, да? Не поверю, что ты сам так считаешь! Не поверю, что ты с этим бредом согласен.

Стефан вынужденно потупил взгляд, покачал головой.

– Здесь это так работает...

– Не фига это не работает! – вскричала Инга. – У Халеда нет диагноза умственной отсталости, а это значит, что у него есть выбор: учиться хорошо или учиться плохо. Он выбрал второе. Его в это ткнули, и поделом. Алекс же свой диагноз не выбирал! Не смей сравнивать их слова, они лежат в совершенно разной плоскости как с точки зрения формальной логики, так и с точки зрения обычной человеческой морали. И передай это вашей фрекен...

– Ничего передавать я не стану, Инга, – отрезал Стефан, – может, ты и права, но, как я сказал, ситуация сложная...

Инга собралась было что-то возразить, но он вскинул руку, требуя не перебивать, и продолжил:

– Сегодня пришло извещение из опеки: они приняли решение начать расследование в отношении Алекса, условий его содержания и воспитания. Потому я счел за лучшее не обострять конфликт и попросил Алекса выполнить требование школы и извиниться.

Инга отпрянула от экрана. Сердце зачастило, в висках застучало, голова закружилась. Она вытерла внезапно вспотевшие ладони о полы халата и шумно сглотнула.

Стефан молча наблюдал за реакцией бывшей жены. Прекрасно зная ее характер, мог предположить, что сейчас последует. Инга его не разочаровала: несколько отборных русских матюгов встряхнули мембраны на динамиках его компьютера.

– Они охренели? – выпустив пар, спросила она. – Какое еще расследование?

– Так бывает всегда, когда в дело замешана полиция.

– Но...

– Это не обязательно должно привести к какому-то неприятному исходу, но, возможно, мне придется сходить пару раз на собеседования, вероятно, вместе с Алексом. Поговорят со школой, опросят соседей, посетят наш дом и осмотрят его комнату, ну и все такое.

– Стефан, – произнесла она уже другим тоном, – ты уверен, что справишься? Может, я бы приехала...

Она запоздало вспомнила предостережение майора Рыльцева и осеклась, но Стефан твердо заявил, что справится, а если возникнут накладки, то Моника подстрахует. Моникой звали его новую жену, которая в целом неплохо относилась к пасынку, а однажды даже сводила его в кино.

Разговор на этом завершился, они распрощались. Однако неприятные предчувствия остались тлеть тревожными угольками в душе Инги, мешая сосредоточиться на чтении и поиске информации в интернете. Она не оставляла надежд выкопать что-то, что помогло бы лучше понять невероятный феномен, который наделал столько шума и о котором уже заговорили по общегосударственным каналам телевидения.

3

С самого утра Инге позвонил Евгений и пригласил вечером на поминки. О том, что среду не следует занимать другими делами, он упоминал и раньше, но семья долго не могла определиться с точной датой, а потому пригласили в последний момент. Но Инга не возражала, на эту среду никаких важных дел у нее не было. Отстраненная от должности, она страдала от избытка свободного времени – такого непривычного и даже чуждого ее натуре, – и любая возможность занять его чем-то осмысленным и интересным ценилась на вес золота.

Помянуть покойную Ирину Владимировну собралось совсем не много людей: только родственники и ближайшие друзья Наташи и Евгения. Все совершенно искренне скорбели о ее кончине, ведь женщиной она была не такой уж и старой и лишь недавно отметила семидесятилетие. Когда поминки подошли к концу и гости начали расходиться, Инга отвела приятеля в сторонку и пересказала свой разговор с майором ФСБ, на что Евгений заявил:

– Я тут подумал: может, пока загранпаспорт не забрали, свалишь отсюда? Тебе же есть, где приткнуться в Стокгольме.

– Мелькали у меня такие мысли, – призналась Инга, – но знаешь... кто бежит, тот виноват, а так не хочется доставлять им удовольствие и принимать на себя роль козла отпущения.

Они стояли на застекленном балконе, накиннув на плечи куртки. Инга посасывала сигарету и цедила мелкими глотками белое вино. Прохладный ветер врывается сквозь открытые створки, ероша волосы, остужая разгоряченное острой едой и алкоголем тело.

– Сегодня третий день со смерти Рогова, – заметила Инга после некоторого молчания и подняла взгляд на Евгения. Тот запустил пятерню в черную, тронутую сединой шевелюру и покачал головой.

– Помню, – мрачно отозвался он, – ты говорила. У меня такое чувство, что сегодня опять кто-то умрет.

– Я в этом совершенно не сомневаюсь, – уверенно заявила Инга.

– Страшно...

Она пожала плечами.

– Мне скорее интересно. Жалко людей, безусловно, но теперь меня гложет любопытство – что это все такое? Руки чешутся до истины докопаться. Только не знаю как.

– У парней в серых костюмах тоже чешутся, – усмехнулся Евгений, – так что поосторожней там.

Инга докурила и под укоризненное цыканье Евгения запустила окурок куда-то на улицу.

Было начало двенадцатого, когда она, ежась под порывами холодного ветра, подходила к своему дому. Небо ненадолго освободилось от туч, выставив на обозрение свои сокровища: россыпь мерцающих звезд, бледную, едва видимую над городскими огнями полосу Млечного Пути и молоденький серпик луны. Войдя во двор, освещенный тусклыми фонарями, Инга направилась к подъезду вдоль вереницы припаркованных автомобилей. Дверца одного из них – черного минивэна с тонированными окнами – отъехала в сторону, из него вынырнули двое мужчин, загородив ей дорогу.

Инга остановилась как вкопанная, пальцы судорожно сомкнулись вокруг перцового баллончика в кармане куртки.

– Инга Вяземская? – раздался в сумраке знакомый гнусавый голос.

Две мужские фигуры взгромоздились над ней, сложив руки перед собой, их темные глаза жутковато поблескивали в полумраке.

– Не надо бояться, это я, майор Рыльцев.

Он шагнул ближе, неяркий свет уличных фонарей осветил широкое круглое лицо, высокий лоб с залысинами, крупный мясистый нос. Инга позволила себе немного расслабиться и вынула руку из кармана. Перевела взгляд на второго.

– Капитан Апраксин, – представился высокий молодой человек и развернул удостоверение, в котором Инга ничего не смогла разобрать в царящем вокруг полумраке. Капитан выглядел подтянуто и атлетично, заметно выделяясь рядом с громоздкой фигурой старшего сослуживца.

– Ничего не видно, но я вам верю, – стараясь сохранять спокойствие, произнесла Инга. – Чем могу помочь?

– Прошу вас, – Рыльцев указал на открытую дверь минивэна, за которой виднелись пустые кожаные сиденья, освещенные мягким голубоватым светом. – Холодно на ветру.

Майор был прав, ветер пробирал до самых костей. Инга молча полезла внутрь и уселась на одно из кресел. Фээсбэшники запрыгнули следом, задвинули дверь.

В салоне пахло настоящей кожей, явственно ощущался аромат кофе; на одном из сидений Инга заметила заляпанный коричневыми разводами термос. На месте водителя темнел чей-то коротко стриженный затылок, но его обладатель даже не обернулся, похоже, просто шофер.

– Просим прощения за столь поздний визит, – вежливо начал майор, – но нам необходимо задать вам несколько вопросов. Где вы находились между восемью и десятью часами сегодняшнего вечера?

– Проще было бы спросить, откуда я сейчас возвращаюсь, – резонно заметила Инга. – Была на поминках тещи моего друга.

– Евгения Гольдберга? – уточнил капитан.

– Да.

– Во сколько именно вы вышли из его дома?

Инга призадумалась, вспоминая.

– Примерно в половину одиннадцатого, – сообщила она.

– Как добирались?

– Метро, потом пешком. Что-то случилось?

– Случилось, – Рыльцев стрельнул глазами в коллегу, потом посмотрел на Ингу исподлобья тяжелым, мрачным взглядом. – Когда в последний раз вы контактировали с Дмитрием Мирошниченко из вашей лаборатории?

Она нахмурилась, припоминая, затем ответила:

– Где-то неделю назад, сразу после моего отстранения. Он позвонил мне...

Майор кивнул, принимая ответ, и сказал:

– Два часа назад его не стало.

– Что?! – Инга вскинулась, вскочила, но ударилась о потолок и села обратно. – Как? Что произошло?

– Давай, Лёва, расскажи, а то меня выворачивает, – обратился он к сотруднику.

Апраксин глубоко вздохнул и начал:

– Дмитрий совершил самоубийство просто невероятным способом, такого даже в трешевых ужастиках не увидишь... Разорвана грудь, выломаны ребра, вырвано сердце. Кровищи – море. Его и нашли таким, с собственным сердцем в ладони.

– О господи! – выдохнула Инга и растерялась, мысли разбежались в стороны, словно бусинки, упавшие на пол с разорванной нитки ожерелья. Взгляд заметался по салону, голова закружилась. Она выдала первое, что пришло на ум: – Неужели человек может сам себе вырвать сердце?

– Получается, может.

– Но... почему? Что...

– Не догадываетесь? – Рыльцев подозрительно прищурился.

– К-кошмары? – обреченно выдавила Инга.

– Три скрещенные посередине сиреневые линии, – безжалостно подтвердил майор, – три ночи подряд, а сегодня... вот, во сне прямо. Жена рассказала. Мы оттуда – сразу к вам.

Инга схватила за голову, поверить, что это не розыгрыш, было почти невозможно.

– Почему же он мне не позвонил, не сказал...

– А что бы вы сделали? Смогли бы помочь?

Инга вынужденно покачала головой, признавая правоту майора.

– Вот и он думал так же, наверное, – заключил Апраксин.

– Это ужасно, просто чудовищно, – хрипло пробормотала она, глядя в затоптанный пол минивэна.

– Не спорю, – спокойным голосом произнес майор, – особенно если учесть, что это седьмая жертва. Но что странно – опять в вашем окружении.

– Что за бред! – вскричала Инга, глаза ее вытаращились, голос задрожал. – Это я их всех заставила себя на куски растерзать, да? Что вы несете!

Фээсбэшники невольно отпрянули, неготовые к такому эмоциональному взрыву. Затем, после секундного замешательства, Рыльцев кашлянул и с укоризной произнес:

– Возьмите себя в руки, доктор Вяземская, криком дело не решить.

Инга тяжело дышала и смотрела в пол. Майор продолжал:

– Не то чтобы мы вас обвиняем в неких предумышленных действиях, повлекших эти... хм... происшествия, хотя, откровенно говоря, вашу причастность полностью исключать нельзя. Но, анализируя ход событий, нетрудно догадаться, что и вам может угрожать опасность. Вы об этом не задумывались? Некие силы могут в следующий раз выбрать вас в качестве жертвы.

Инга совладала с приступом, подняла взгляд на Рыльцева.

– Некие силы? Темные, надо полагать? Хм... тогда арестуйте меня и заключите в бронированную камеру, – без тени улыбки попросила она, но, заметив замешательство на лицах агентов, поняла, что с классикой те не дружат. Сказала другим тоном: – Если честно, не задумывалась. Меня как сомнолога и как обычного человека сильно беспокоит природа этого жуткого феномена, который уже унес жизни семерых человек. Я прилагаю все усилия, чтобы разобраться в этой загадке. Но в моем распоряжении лишь интернет и общедоступные источники информации. От должности меня отстранили, как говорится, до выяснения, доступа к оборудованию больше нет. А потому: угрожает мне что-то или нет – какая разница, если я ничего изменить не могу?

– Резонно, – признал майор, а его молодой коллега лишь покивал. – Не стану вдаваться в подробности, но мы тоже не сидим сложа руки. Однако должен сразу со всей откровенностью предупредить: мы обязаны установить за вами наблюдение. Оно необходимо в обоих случаях – являетесь ли вы причастной к трагедиям или рискуете стать следующей жертвой этих чертовых полосок.

Инга равнодушно пожала плечами, всем видом давая понять, что ей по барабану. Особенно во втором случае: как будто ей чем-то смогут помочь.

– Считайте это приставленной к вам личной охраной, – закончил Рыльцев.

– Замечательно! Хулиганов можно теперь не бояться. У вас все?

– Пока да. Всего доброго!

– Взаимно.

Инга позволила капитану отодвинуть дверцу и соскочила на асфальт. Холодный ветер принялся с энтузиазмом трепать ее куртку и ерошить волосы. Под пристальным взглядом двух пар глаз она прошагала оставшиеся пятьдесят метров и свернула в подъезд.

На следующий день Инга решила навестить отца. Позвонила и обрадовала его с самого утра. Она не заглядывала к нему уже несколько недель. Крепкий, все еще бодрый мужчина шестидесяти пяти лет, он не нуждался в помощи или уходе, да и жил не один, а со своей гражданской женой Ниной Семеновной. Но Инга тем не менее мучилась стыдом, когда пропадала на много дней, а то и недель – ни звонка, ни визита. Отец не обижался и видеть старшую дочь был рад всегда, ведь младшая после переезда к мужу в Москву пять лет назад навещала его еще реже.

Ехать предстояло до самого Ваганово. В этом поселке располагался дачный домик – утепленный и приспособленный для комфортного проживания и в зимнее время, – где обитала пожилая пара пенсионеров.

Ингу встретили, как всегда, тепло и радушно. Нина Семеновна накрыла замечательный стол, выложив аппетитные парующие пироги с мясом, с капустой и с лесными ягодами, которые умудрилась испечь к ее визиту буквально за пару часов. Отец заварил чай из гуавы, и экзотический аромат разнесся по маленькой уютной кухоньке, щекоча ноздри и нагоняя аппетит.

Когда чаепитие завершилось и Нина Семеновна вышла в сад, Инга вкратце рассказала отцу о происходящих вокруг нее трагедиях. Юрий Александрович расстроился и предложил дочери сходить в церковь, поставить свечку и поговорить с батюшкой, но Инга отмахнулась. Воспитав дочерей убежденными атеистками, сам он обратился к вере и принял крещение. Произошло это после гибели Анны, матери Инги, в автокатастрофе несколько лет назад, и теперь – иконы в красном углу (или божнице, как это место ласково именовал Юрий Александрович), иконы и кресты на тумбочке у кровати, Библия на самом видном месте на книжной полке. А может, размышляла Инга, так повлияла на отца его новая любовь, которая, по ее собственным словам, с самого детства посещала чуть ли не каждую церковную службу и знала многие молитвы наизусть. Как бы то ни было, взгляды отца и двух дочерей в последние несколько лет сильно разошлись, вызывая порой жаростные дебаты или просто заставляя по-разному смотреть на одни и те же события.

Вот и сейчас Инге меньше всего казалось разумным искать объяснение жуткому сомнологическому феномену в церкви или в священных писаниях, порожденных фантазией древних пропагандистов много столетий назад. Стараясь не поддаваться раздражению, она вежливо поблагодарила отца и отказалась от его идеи. Когда часы показали семь вечера, Инга распрощалась и отправилась домой. По настоянию Нины Семеновны захватила с собой порядочную порцию пирогов. Инга мучным особенно не увлекалась, но отказаться от такой вкуснятины было выше ее сил.

Домой она попала в восьмом часу. Заходя в подъезд, заметила краем глаза стоящий неподалеку минивэн с тонированными стеклами. Рыльцев не обманул, разведка не дремлет.

Инга успела принять душ, прежде чем наступило время свидания с сыном.

Алекс набрал первым, Инга сразу же ответила на вызов.

– Привет, мам!

Мальчик слегка улыбнулся.

– Приветик, – весело сказала Инга, вглядываясь в светлое лицо на экране. Синяк на щеке почти зажил, но что происходит с «синяками» внутри, оставалось лишь гадать.

– Как в школе?

– Хорошо.

– Правда хорошо?

– Да.

– Помирился с Халедом?

Молчание, взгляд в сторону. Инга выждала почти минуту, прежде чем повторить вопрос. Наконец мальчик выдал едва слышно:

- Я помирился. Он – нет.
- Ты попросил у него прощения?
- Нет. Предложил дружить. Не хочет.
- Были у вас еще конфликты?
- С ним нет.
- А с кем?

Опять молчание. Инга терпеливо смотрела в экран, и после долгой паузы мальчик ответил:

- Его друзья. Обзываются. Кидают камни.
- Ты сообщил об этом фрекен Хартман или директору?
- Да.
- И что?
- Ничего.

Инга ощутила, что у нее задрожали руки. Она сделала глубокий вдох, стараясь не показывать своего состояния сыну. Хотела было попросить позвать папу, но мальчик проронил:

- Сам накажу их. Пусть только полезут.

Тонкие губы сжались в полоску, мальчик зло посмотрел в объектив камеры. Инга увидела в его глазах нечто новое, невиданное, непривычное: словно в маленьком теле прятался взрослый человек.

– Алекс... – начала она, но запнулась. Первым порывом было запретить затевать драки: и так проблем выше крыши. Но что-то остановило, не дало закончить мысль и начатое предложение. Справедливость важнее! Любой человек должен уметь защищать себя. Но, черт возьми, школа, фрекен, директор, разгневанные родители, опека... как быть со всем этим? С удивлением обнаружила, что Алекс не сводит с нее взгляда, смотрит пристально и ждет ответа. Не смея оскорбить сына двуличием, она медленно произнесла: – Ты имеешь право защищать себя, сынок. Находи приемлемые для тебя альтернативы и защищай себя, всегда выбирая меньшее зло.

Неизвестно, уловил ли ребенок мысль: лицо его осталось непроницаемым.

– Тебе не придется стыдиться меня, мама, – бесстрастно пообещал он.

– Почему ты думаешь, что я стыжусь? – напряглась Инга.

– Аутистов все стыдятся, – спокойно ответил он, словно констатировал всем известный факт.

Инга вознамерилась, раз уж зашел об этом разговор, объяснить сыну, что он не прав, но из динамиков раздалось тихое «Спокойной ночи, мам». Скайп тренькнул, и связь прервалась.

Инга хмуро выключила компьютер, взяла сигареты с зажигалкой и отправилась на балкон.

5

В пятницу набрала Мотыгину, решила поинтересоваться, сколько еще продлится ее вынужденная «ссылка». Ответ оказался ожидаем: пока не завершится расследование или пока следствие не установит окончательно ее непричастность к трагедиям. С трудом удержавшись от того, чтобы послать на три буквы скользкого старикана, Инга сухо попрощалась и повесила трубку.

День пролетел скучно и уныло, если не считать визита к Евгению. В гости напросилась сама, но он и Наташа всегда были рады ее видеть, а Настя – тем более: уж она-то знала, что тетя Инга с пустыми руками в гости никогда не приходит и дарит то вкусняшки, то всякие весе-

лые безделушки. В доме у Гольдбергов было спокойно, уютно и тепло во всех смыслах слова, уходить совершенно не хотелось, но оставаться дольше не позволяли приличия. Несмотря на заверения в том, что «все нормально» и настойчивое увещевание «оставайся еще, чего так рано уходишь», Инга вышла в прихожую и принялась одеваться. Попрощалась с Наташей и Настей, а перед самым выходом обнялась с Евгением. Его медвежьи объятия на короткое мгновение будто изъяли ее из этого мира и укрыли от всех тревог, забот и печалей; в сердце на миг стало легко, спокойно и радостно. Затем они разомкнули объятия, и Инга открыла входную дверь.

Подходя к дому, она заметила припаркованный неподалеку от подъезда черный минивэн и, весело улыбувшись, задорно помахала рукой невидимым наблюдателям.

Дома приняла душ, а после получила СМС-сообщение от Алекса. Он извинялся за то, что сегодня не выйдет на связь: много уроков, устал и хочет лечь спать пораньше. Инга написала, что все в порядке и они поговорят завтра.

Благоухая кремами, она расстелила постель, с облегченным вздохом улеглась и подтянула одеяло под самое горло. Проваливаясь в сон, поймала себя на том, что вспоминает недавнее прощание с Женей со странным смешанным чувством тоски и радости, и тотчас поняла, что самое время звать на помощь надсмотрщика; тот парой безжалостных ударов хлыста загонит опасные чувства туда, где им место, – в самый глубокий подвал подсознания.

6

Клубящееся облако неспешно возникло в непроницаемой мгле, неторопливо разрослось и вскоре заполонило собой все вокруг. Оно окутало спящее сознание, заключило его в ласковые объятия, пропитало собой каждое чувство и воспоминание. Нейроны откликнулись на прикосновение *чуждого*, погнали импульсы по синапсам; дендриты и аксоны всколыхнулись и затрепетали, словно хлебные нивы под порывами ветра. Живущий в них разум отозвался безмолвным криком, приветствуя проникновение иного мира. Облако родилось. Оно здесь, оно со мной, оно – это я.

7

Инга вздрогнула и проснулась. Распахнула глаза, уставилась в потолок, на котором причудливые тени выводили пируэты, складываясь в сказочные фигуры, недолговечные и эфемерные, как человеческие сны.

– Твою дивизию... – хрипло пробурчала она, вспоминая недавнее видение: сиреневое, черт бы его побрал, облако.

Откинув одеяло, села на кровати, обхватила голову руками. Господи, и что теперь? Все, конец? Настала ее очередь рвать себе горло и вырывать мозги из черепа...

Инга посмотрела на часы: голубые цифры показывали 01:16, слепя глаза в царящей вокруг темноте. Она поднялась и лениво потащила в ванную. Когда вернулась, накинула куртку, взяла сигареты с зажигалкой и вышла на балкон.

Ночь выдалась тихая, безветренная, но октябрьская прохлада зябко прошлась по обнаженным ногам, норовя заглянуть под плотно запахнутую куртку. Обгрызенная луна повисла над крышами домов в окружении россыпей звезд, мерцающих кто мягко и трепетно, кто дико и необузданно. Инга закурила и выдохнула струю дыма в небо, метя в луну. Душу терзала зубастая крыса тревоги, беспокойства и дурных предчувствий. Все прежние жертвы, кто был достаточно точен в описании подробностей, рассказывали, что серия кошмаров начиналась с видения сиреневого облака. Теперь облако добралось и до нее. Затем, если верить покойному Шипулину, оно превратится в полосы, не менее пугающие, чем породившее их облако,

а полоски сложатся в букву «Ж», которая улыбнется и убьет. Или заставит убить саму себя. Бред? Бред!

– Так, минутку... – сказала Инга вслух, глубоко затягиваясь и выпуская в морозный воздух новую струю дыма.

Что-то было не так. Чего-то не хватало. Инга затянулась еще, хмурясь и вспоминая свой сон. Подумала про облако, представила его – и не почувствовала ровным счетом ничего. Ни ужаса, ни страха, ни паники. Припоминая сон, отметила, что и в нем не ощущала ничего, кроме безмерного удивления, словно созерцала некое чудо, явленное высшими силами. Кошмар оказался совсем не страшным. Да, от тревожных предчувствий учащался пульс и потели ладони, но испытывала ли она ужас? Нет, ни капли.

Вышвырнув окурок за перила балкона, Инга вернулась в гостиную, озадаченная и немного растерянная. Может, это не то облако приснилось, размышляла она, чистя зубы в ванной, в смысле не тот феномен, что людей убивает, а обычный, нормальный сон? Страшные трагедии, свидетельницей которых ей довелось стать, оставили глубокий эмоциональный след в ее психике. Это сновидение вполне могло быть его закономерным проявлением. Такое объяснение казалось правдоподобным, однако сон не бледнел и не стирался из памяти, как происходит с обычными сновидениями, а оставался удивительно явственным, близким, настоящим и... всепоглощающим!

Улегшись в постель, Инга попыталась заснуть, но волнение не отпускало и выдергивало ее из объятий Морфея всякий раз, как она, казалось, в них вот-вот очутится. Провалилась в сон – глубокий и беспробудный – лишь под утро и проспала почти до обеда.

Весь день до самого вечера она размышляла, роаясь в интернете в поисках хоть каких-то упоминаний знака, похожего на сиреневую букву «Ж». Задалась вопросом, не встречается ли похожий символ в какой-либо мифологии? Просеяла кучу материала по символизму древних культур начиная от майя и заканчивая зулусами, карелами и самодийскими народами. Но результат оказался нулевым.

Потом подумалось, а не позвонить ли Женьке, чтобы поделиться страшной вестью, но в последний миг остановила себя. Будучи не совсем уверенной в том, что именно ей приснилось, она рисковала предстать в глазах друга полной идиоткой, если позже окажется, что ей приснился обычный сон. Как ни крути, но ни малейшего признака страха, а тем более того сверхинтенсивного ужаса, какой присутствовал в кошмарах у всех прежних жертв сиреневых полосок, она не испытывала.

Вечером, как обычно, поболтала с Алексом, который со свойственной ему сдержанностью и в скупых фразах поведал о том, как провел субботний день с отцом и мачехой в этнографическом музее Скансен в центре Стокгольма, поужинал в японском ресторане, где получил долгожданную возможность полакомиться любимыми суши (он упрямо называл их суси, утверждая, что именно так это слово должно звучать на русском), и завершил день прогулкой по Старому городу.

Инга ждала позднего вечера с тревогой и в то же время с нетерпеливым предвкушением, даже вожелением, с каким дети обычно ждут собственного дня рождения. Сегодняшняя ночь даст ответ на вопрос, который мучал ее с самого утра: обычный сон или смертельный кошмар?

8

Тьма обрела краски и засветилась пурпуром. Пространство задрожало, как воздух над раскаленным асфальтом, за клубилось, окутало спящее сознание и пропитало его насквозь. Электрические импульсы понеслись от синапса к синапсу; нейронная сеть встрепенулась, тронутая прикосновением иного мира, и восприняла возникший из пурпурного тумана образ.

Сиреневая линия материализовалась в облаке и приблизилась, медленно вращаясь вокруг своей оси, а затем замерла и наклонилась верхним концом вправо. Рядом из клубящегося тумана выделилась еще одна полоска и пересекла первую, наклонившись верхней частью влево. Наконец, прямо за двумя скрещенными полосками проявилась третья, стоящая строго вертикально. Приблизившись, она пересекла точку сочленения наклонных линий, которая стала серединой для всех трех.

Возникший знак засиял фиолетовым, разграничив две вселенные. Свет иного мира оказался настолько ярким, что нейроны, ощутив его прикосновение, содрогнулись и все как один, будто солдаты в строю, перешли в активное состояние.

9

Инга подпрыгнула в постели и выкрикнула что-то невнятное. Сердце колотилось, в горле хрипело и свистело, словно она пробежала несколько кругов на стадионе, холодный пот струился по вискам. Широко раскрытыми глазами она несколько секунд пялилась в темноту, затем, услышав шорох в углу комнаты, резко повернулась вправо. Нечто едва слышно кралось во тьме, тщетно пытаясь скрыть свое присутствие. На мгновение воцарилась полная тишина, тяжелая и липкая. Из мрака выметнулась тень, кровать содрогнулась, и в тишине прозвучал приглушенный мяв.

– Жоська, твою дивизию... – выдохнула Инга и рухнула обратно в постель. Кошка, не обращая внимания на привычные слуху ругательства, устраивалась в уютный клубочек у самого краешка кровати.

Сердечный ритм постепенно возвращался в норму, дыхание выравнивалось, гулкая дробь в ушах медленно сходилась на нет. Инга вытерла кромкой одеяла мокрое от пота лицо, бросила взгляд в окно. Отсветы уличных фонарей пробивались сквозь тонкие гардины на окнах, ложась на стену и потолок янтарными пятнами и косыми вычурными фигурами.

Вот и знак, заключила Инга, поднимаясь с постели и топая в ванную, все как по сценарию: облако и сиреневые полоски в форме буквы «Ж». Теперь уж точно можно констатировать, что это видение не является обычным сном. Настал ее черед. Но черед чего именно? Умереть от инфаркта? Совершить самоубийство жутким, изощренным способом? Минуточку, а с чего бы?..

Попыхивая сигаретой в форточку на кухне, Инга прислушивалась к своим ощущениям. Вспомнила облако, полоски, знак, – и вновь поняла, что не испытывает страха. Учащенное дыхание, ускоренный пульс, потоотделение – да, есть. Присутствуют все признаки выброса адреналина в кровь, но никакого страха, просто волнение. Адреналин есть, а ужаса нет. Нет сейчас, не было и во время сна. Словно бы виделось ей нечто обыденное, привычное, знакомое. Эта странная деталь тревожила не меньше, чем сам факт приснившихся полосок.

Не найдя объяснения собственной реакции, Инга благоразумно решила, что утро вечера мудренее, и отправилась спать.

10

С самого утра зарядил дождь, не проливной, но и не моросистый. Капли лениво стекали по стеклу; где-то вдали, в хмуром низком небе, посверкивали молнии; над утонувшем в дожде городом звучали приглушенные раскаты грома. Часы показывали без четверти одиннадцать, а вставать совершенно не хотелось. Зато страшно хотелось есть.

Неимоверным усилием воли Инга заставила себя выползти из теплой, уютной постели и отправиться в ванную. Свежая после душа, она сварганила себе роскошный омлет с помидо-

рами, паприкой и луком, посыпанный тертым сыром и приправленный рубленым укропом. Заварила чая, выбрав для разнообразия черный английский.

Она решила, что сейчас самый подходящий момент поведать Жене о приснившихся ей нестрашных кошмарах. Но друг на звонок не ответил, возможно, был занят или еще не выполз из постели.

День Инга провела в размышлениях, поиске информации в интернете, чтении и просмотре теленовостей. В вечернем выпуске промелькнул репортаж с кратким изложением последней информации о расследовании «странных и невероятных трагедий, связанных с лабораторией сна Института психиатрии и неврологии и с таинственным знаком, безжалостно доведшим несчастных жертв до самоубийств». В коротком интервью, снятом на фоне здания Петербургского управления ФСБ, майор Рыльцев, важно подтягивая узел серого галстука, поведал, что никакой новой информацией следствие не располагает и ФСБ пока не готово делать какие-либо заявления на эту тему. Расследование продолжается, и до окончания, признал он, еще далеко.

Инга выглянула в окно – черный минивэн по-прежнему дежурил у подъезда. Интересно, как именно проходит расследование? Прослушивают ее телефон и отслеживают интернет-трафик? Или подсматривают за ее снами на расстоянии? Возникла мысль: а не рассказать ли майору о своих сновидениях? Решила повременить, это всегда успеется.

Стемнело. Дождь иссяк, в тяжелом, влажном воздухе повисла морось. Беседа с Алексом отложилась на завтра: мальчик гостил у друга. Вечер Инга провела за книгой. Читая, то и дело поглядывала на часы – не пора ли спать? Поймала себя на том, что отбоя ждала с нетерпением: было тревожно, волнительно, но в то же время щемило в сердце от любопытства. Что приснится в этот раз?

Улеглась и погасила свет уже за полночь. Расслабилась, стараясь ни о чем не думать, но это, как известно, гиблое дело – в результате думала только о сиреневых полосках, и ни о чем больше. И не заметила, как провалилась в сон.

11

В крошечной тьме вспыхнула сверхновая, озарила безграничное пространство спящего разума ошеломляюще ярким пурпурным светом. Бесчисленные потоки фотонов уплотнились, сложившись в линию, потом еще в одну и еще. Три сиреневые полоски, вращаясь и кувыркаясь, сблизились, сошлись воедино, сочленившись центральными точками. Знак застыл и занял собой все пространство, притянул как магнит нейронные импульсы.

На вершине центральной линии обозначилось утолщение, выросло и вытянулось каплей, падающей вверх. Оно желало продемонстрировать добрые намерения и потому улыбнулось. Спящее сознание, принявшее знак, сосредоточилось на этой точке – на капле, – венчавшей вершину серединной линии, ибо там находился источник невероятно интенсивного чувства; оно хлынуло мощнейшим потоком из иного мира, будто струя воды сквозь трещину в плотине.

И сознание утонуло... в радости, в восторге, в ликовании.

В счастье!

12

Инга проснулась от собственного смеха. Ей было хорошо, неописуемо хорошо. Радость рвалась наружу звонким залившимся хохотом. Отсмеявшись, она промокнула кромкой одеяла слезы в уголках глаз и села в постели.

Боже, как восхитительно! Наверное, так чувствуют себя наркоманы на кокаине? Инга понятия не имела об ощущениях от наркотиков, никогда ими не баловалась. Но сон ее удивил, такого она никак не ожидала.

Необыкновенное чувство эйфории постепенно отпускало, исчезало, как предрассветная дымка под лучами восходящего солнца. Когда буря улеглась, в душе все равно было радостно. Думалось – почему так? Для Шипулина и Рогова этот момент стал последней каплей, источником невероятного ужаса, заставившего их уйти из жизни. А у нее – смех и радость.

– Что за фигня такая... – хрипло пробурчала Инга сквозь улыбку.

Наверное, я постепенно схожу с ума – это было последней мыслью перед тем, как она вновь провалилась в сон.

Утро Инга начала с пробежки, благо погода против такого занятия нисколько не возражала, скорее напротив, – поощряла все еще теплым солнцем и полным безветрием.

Опавшая листва выстлала мягким багряным ковром грунтовые тропинки, наполнив неподвижный воздух вкусным ароматом осеннего леса. Бег помог сосредоточиться и активизировать мыслительный процесс, а также навеял размышления на болезную тему: не пора ли бросить курить? Инга никогда не страдала отсутствием силы воли, и прочно въевшаяся в ее жизнь вредная привычка была скорее необходимым атрибутом ее самовыражения и способом справляться со стрессами, нежели признаком слабости. Наматывая круг за кругом, Инга сознавала: в ней неуклонно зреет решение всерьез призадуматься о том, чтобы расстаться с табаком. Позже, когда все устаканится. А пока стрессы и неприятности как в Стокгольме, так и здесь, в Петербурге, не способствовали ее стремлению освободиться от пристрастия к никотину.

Пробежав запланированное расстояние, Инга остановилась на поляне передохнуть, прежде чем отправиться домой, заварить чая покрепче и... да, выкурить первую за день сигарету, которая вкуснее всех остальных.

Из леса на поляну неспешным гуляющим шагом выбрел знакомый мужик в трениках и адидасовской спортивной куртке, из-под которой выглядывал ворот плотного свитера. Рядом на поводке семенил, прихрамывая на одну лапу, черный ротвейлер в большом кожаном наморднике. Инга напряглась и на всякий случай засунула руку в карман куртки, нащупала прохладный металл перцового баллончика. Но мужчина лишь недобро зыркнул в ее сторону и отвернулся, сделав вид, что рассматривает обнаженные ветви растущих вдоль тропинки деревьев. Пес поступил примерно также, ненадолго задержав на ней опасливый взгляд черных, как угли, глаз. Когда парочка исчезла из виду, Инга расслабилась и побрела по тропинке к выходу из парка.

По пути размышляла о сиреневых полосках и о странном отсутствии страха перед ними. В памяти всплыл инцидент месячной давности со злобной собакой и ее агрессивным хозяином. Анализируя свои ощущения во время столкновения, с любопытством отметила, что в тот момент не испытала ни паники, ни страха. Выброс адреналина был, это она помнила хорошо, но испуга – нет. Мчащегося на нее бойцового пса она совершенно не испугалась. Тогда этот факт пролетел мимо ее сознания незамеченным, а теперь возник резонный вопрос: как это понимать?

Мысль заработала, как дизельный мотор на гоночном «Ягуаре». Перед внутренним взором пронеслись воспоминания далекого и недавнего прошлого, все случаи из жизни, когда она оказывалась в стрессовой ситуации или когда ей угрожала опасность. В целом она жила (до недавних пор!) спокойной, размеренной жизнью, и последней стрессовой ситуацией стал развод со Стефаном, который, надо признать, прошел достаточно спокойно, без драк, мата и истерик. Затем – происшествие с Буковским. Она замедлила шаг, припоминая первые мгновения в залитой кровью палате. Что она тогда почувствовала? Тошноту от смрада крови, волнение, удивление, обеспокоенность последствиями... был ли страх, испуг? Вроде бы нет. Тогда она не

придала этому значения: не в ее обыкновении рефлексировать по поводу нюансов своих ощущений, но теперь с уверенностью заключила, что страшная картина растерзанного человека ее несколько не испугала. Впечатлила – да, но не испугала.

Инга отмотала катушку воспоминаний на несколько десятков лет в прошлое, припомнив юные годы в школе. В то время некоторые одноклассники, бывало, дразнили ее за маленький рост, обзывали «гномом» или «кнопкой», она отвечала, дралась. И ее били. Не только мальчишки, но и девчонки. Но она отвечала снова, и ее снова били. И так раз за разом. «Упрямая коза», цедили сквозь зубы раздосадованные обидчики, видя, что она не боится и не сдается. «Отважная, молодец!» – восхищенно вздыхали те немногие, кто ей симпатизировал. Еще вспомнилась случайно подслушанная беседа родителей. Они вернулись после разговора с директором школы в связи с очередной ее дракой, и тогда папа сказал маме: «Храбрая и бесстрашная, одна против двух мальчишек, ей бы на войну или в спецназ...» А мать возмущенно отмахнулась: «Типун тебе на язык, не дай бог!»

Сейчас, размышляя о своей неожиданной реакции на то, что должно было стать смертельным кошмаром, она с некоторым изумлением взглянула на свою жизнь и попыталась проанализировать внутреннее эмоциональное отражение некоторых событий. Инга никогда не задавалась вопросом, боится ли она чего-либо в этом мире. Если б ее об этом спросили, она наверняка ответила бы стандартное: «Да, смерти близких людей», или: «Ядерной войны», или что-то в этом роде. Но есть разница между тем, когда ты не хочешь, чтобы нечто произошло, и когда ты этого *боишься*.

Вернувшись домой, Инга приняла душ, наскоро перекусила и уселась перед компьютером. После пары часов напряженных поисков и нескольких выкуренных сигарет она наконец нашла то, что, возможно, объясняло странное отсутствие у нее страха в тех ситуациях, в которых другие от страха гибли. Одна из ссылок всеведущего гугла вывела на статью о редкой болезни – липоидном протеинозе, или болезни Урбаха-Вите. Инга во время учебы в медуниверситете, конечно же, читала об этом недуге, открытом в 1929 году двумя австрийскими учеными, чьими именами его и называли, но подозревать описанные симптомы у себя никогда не приходило ей в голову.

Заболевание встречается крайне редко, на сегодняшний день по всему миру известно не более трехсот случаев, зарегистрированных с момента открытия, а потому описана она сравнительно скудно. Однако того, что имелось, хватило с лихвой.

Болезнь зачастую протекает бессимптомно. Иногда проявляются лишь некоторые из симптомов, чаще всего – нарушения речи в виде осиплости или хриплости голоса, а также сыпь в виде папул на лице, обычно вокруг глаз. Симптомы возникают в детском возрасте и сохраняются на протяжении всей жизни. Инга нервно сжала мышку, когда прочла об основном последствии этой болезни для организма. Им оказалось разрушение амигдал – миндалевидных областей мозга, расположенных в височной доле и отвечающих за формирование чувства страха. В эмоциональной палитре пациентов, страдающих от болезни Урбаха-Вите, наблюдается полное отсутствие этого чувства. При этом сохраняются рефлекс самосохранения и выбросы адреналина в кровь – ведь за подобные реакции отвечает, помимо некоторых других отделов мозга, гиппокамп, а с ним у Инги, к счастью, проблем не было.

– Твою дивизию... – пораженно пробормотала Инга, откидываясь на спинку стула. – Приехали, блин!

Она закурила новую сигарету, призадумалась, отрешенно глядя в мерцающий монитор.

Редкое генетическое заболевание, надо же! Спору нет, чтобы подтвердить у себя такой диагноз, недостаточно статьи в Википедии. Требуются, помимо массы анализов, еще и магнитно-резонансная томография вместе с детальным генетическим исследованием. Разумеется, Инга и не думала обращаться за диагностикой и медицинской помощью сейчас, на сорок втором году жизни, тем более что болезнь все равно никак не лечится. Прожила она без минда-

лин полжизни, проживет и оставшуюся половину, не беда. Немного беспокоил генетический характер этого недуга, но она была почти уверена, что Алексу болезнь не передалась: у него до сих пор не обнаружилось никаких признаков, а они обычно появляются в раннем детстве. А вот у его ребенка «бракованные» гены вполне могут всплыть.

Инга оставила компьютер и отправилась в кухню, чтобы перекусить. Требовалось срочно доесть остатки позавчерашнего борща, пока не скис, и пироги – пока не зачерствели. Разогревая еду, весело напевала себе под нос и даже подтанцовывала. Решение загадки подняло настроение и воодушевило. Правда, не дало ответа на вопрос, что дальше?

Зазвонил телефон. Сняв кастрюлю с плиты, Инга заспешила в гостиную. С экрана смартфона ей мягко улыбался Евгений Гольдберг.

– Здорово, Жень! – прохрипела она и поставила телефон на громкую связь.

– Приветик! – приятный мужской голос зазвучал тепло и доброжелательно. – Прости, что вчера не перезвонил. Замотался. Как ты?

– Прекрасно! – ответила Инга. – Ты очень кстати позвонил, сейчас услышишь кое-что занятное.

– И что же? – хохотнул Евгений. – Только не говори, что тебе тоже приснились сиреневые полоски.

– Угадал! – радостно воскликнула она, будто рассказывала о большом выигрыше в лотерею. – Позавчера, вчера и в ночь на сегодня.

В трубке повисла тишина.

– Ты сейчас серьезно? – голос Евгения изменился, едва заметно дрогнул.

– Серьезней некуда! – заверила она, хотя тон ее меньше всего говорил о серьезности. Веселость в голосе была неуместна, но Инга ничего не могла с собой поделать. – Сперва пришло облако, затем знак. Тот самый, что как буква жэ. Сегодня на нем возникло утолщение и... знаешь, оно в самом деле улыбнулось! Словом, все как по плану. Интересно, что будет завтра...

– Инга! – взволнованно перебил Евгений. – Как ты себя чувствуешь? Есть повреждения?

Инга искренне рассмеялась и рассказала обеспокоенному приятелю о своей странной реакции на кошмарное сновидение, которое и кошмарным не назовешь, скорее любопытным. А сегодняшний эпизод так вообще вызвал приступ необъяснимой радости и веселья. Услышав изумление в его коротких комментариях, сразу поведала и о своей предположительной болезни, очевидно сделавшей ее иммунной к убийственному воздействию загадочного символа.

– Теперь, Жень, ты знаешь, что у меня не все дома – в прямом смысле слова, – посмеиваясь, закончила она рассказ и наложила себе в тарелку парующего борща, – миндалин не хватает.

– М-да... – озадаченно протянул он, – ну знаешь, у тебя и без миндалин башка варит дай боже...

Ей сделалось приятно, возражать она не стала.

– Мой бывший как-то раз ляпнул, что мой айкью сопоставим с моим ростом, – не без гордости заметила Инга.

– Так и сказал? – изумился Евгений. – Вот хам!

– Я тоже тогда так подумала, что, мол, айкью такой маленький, даже собралась послать Стефана подальше, – Инга усмехнулась, – но он вовремя пояснил, что имеет в виду число сантиметров, составляющих мой рост. То есть сто пятьдесят пять.

– А-а... ничего себе комплимент, тогда он молодец. Но теперь понятно, откуда у тебя такой хриплый голос. Я-то думал потому, что куришь много.

– Не-а, у меня такой с детства.

После недолгой паузы Евгений сказал:

– Как бы то ни было, нет никакой гарантии, что эти сновидения не причинят тебе вреда, раз они уже убили семь человек.

– Это да, согласна, – признала Инга, прихлебывая борщ, и добавила серьезным тоном: – Поглядим, что будет в эту ночь. Шипулин и Рогов были единственными, кто дожили до улыбки. А я ее пережила.

– Тебе, наверное, понадобится помощь? Вдруг что-то все-таки... Я мог бы приехать.

– Но Жень, чем ты мне можешь, если вдруг что? Да и Наташа вряд ли обрадуется, если ты соберешься со мной провести ночь.

Евгений смущенно угукнул, признавая ее правоту. Она продолжала:

– Нет, знаешь, все-таки я отчего-то уверена, что со мной ничего дурного не случится. Если эти сновидения воздействуют на миндалины таким образом, что доводят людей до жутчайшего состояния, то мне это не грозит.

– А если миндалины – не единственный объект воздействия в мозге? – предположил Евгений.

– Не исключено. Но в таком случае вовсе необязательно, что воздействие окажется негативным или разрушительным, – возразила Инга.

– В принципе, верно, – согласился он, но голос его по-прежнему звучал озабоченно.

– Так что, – рассуждала она, – сегодня ночью все станет ясно. Если опять не случится ничего жуткого, то можно будет, думаю, окончательно признать, что вся эта фантастическая канитель для меня совершенно безопасна. Рано или поздно выяснится, что это такое, следует лишь набраться терпения.

Евгений помолчал, потом тихо произнес:

– Я... боюсь за тебя...

Инга хотела было отмахнуться какой-нибудь поговоркой вроде: «Чему быть, того не миновать», но в последний миг призадумалась. Его слова прозвучали как-то странно, будто бы он на самом деле хотел сказать что-то иное, но не посмел.

– Спасибо, Жень, – вымолвила она после некоторого молчания, – все будет хорошо.

– Позвони мне завтра с утра, лады?

– Обещаю!

Инга доела борщ с пирогами, вымыла посуду и отправилась прогуляться, желая по полной насладиться хорошей погодой, столь редкой для Санкт-Петербурга в это время года.

Неспешная прогулка по набережной помогла упорядочить мысли и чувства, принять и переварить то, что она узнала о своем мозге, о своей болезни, которая сделала ее столь непохожей на большинство других людей. Выделяться из общей массы Инга привыкла еще со школьной поры, но сейчас, в зрелом возрасте, наблюдать вполне осязаемые проявления собственной анатомической уникальности было так необычно.

Нева играла солнечными бликами, волны негромко плескали о закатанный в бетон берег, чайки весело кричали над водой, кружась в беспрестанном хороводе. Вдали виднелся сверкающий в лучах осеннего солнца шпиль Адмиралтейства, острым копьем нацеленный в чистое голубое небо. Жизнь вдруг перестала казаться полной стрессов и разочарований, в ней неожиданно-негаданно нашлось место для нежных, теплых чувств, и испытывать их было неопишимо приятно. Даже если они никогда не покинут своей резервации, именуемой душой. Там, спрятанные за колючей проволокой, под зорким оком надсмотрщика, они тихо тлели добрыми, ласковыми угольками.

Инга вернулась домой лишь к вечеру. Привычно помахала сидящим в минивэне бойцам невидимого фронта, в очередной раз подивившись их упорству в стремлении без толку тратить свое время. Ей стало немного жаль ребят, подумала, не принести ли им поесть. Нет уж, перебьются, решила она, весело взбегая по побитым каменным ступенькам на пятый этаж.

Алекс, как ни странно, на связь этим вечером не вышел. Наверное, опять уроки. Но мысли Инги больше занимало ожидание приближающейся полночи – времени, когда она обычно ложилась в постель.

Наконец час настал, и она погасила свет.

13

Вселенная спящего разума взорвалась сиреневым огнем, утопив безграничное пространство в буйном пурпуре. Из эпицентра взрыва медленно выплыли три полосы, сложившись в знакомые очертания. Верхушка срединной линии округлилась, удлинилась, исторгла из себя неудержимый поток радости, заполонивший спящее сознание. И вместе с радостью из иного мира прорвались странные слова:

«Берегись двух бед. Твой дом – западня. Беги!»

Предостережение осело в нейронах и впечаталось в память. Но разум все еще спал.

14

Инга проспала беспробудно до самого утра. Когда открыла глаза, на часах было без десяти девять. Она привстала на локте, глотнула воды из стакана и упала обратно на влажную от пота подушку. В душе всколыхнулось неприятное предчувствие. Да, «страшная буква» вновь окатила волной необычайной радости, как только возникла во сне, но последовавшее за этим предостережение испортило впечатление. И вообще, такое произошло впервые. Никто из прежних жертв полосок ни словом не обмолвился о каких-либо сообщениях. Возможно, до них просто никто не доживал. Как бы то ни было, приснившийся знак оставил четкое и хорошо засевшее в памяти послание, которое насторожило и обеспокоило.

Инга лениво выползла из постели и отправилась в ванную, не прекращая размышлять о странном сновидении и тревожных словах. Стоя под горячим душем, прислушивалась к своим чувствам, которые испытала ночью и утром сразу после пробуждения, – ни малейшего признака того, что можно назвать страхом. Это, конечно, хорошо, но... как-то ненормально: дом – западня, две беды и надо бежать, но ей совершенно не страшно.

После завтрака набрала Жене и рассказала во всех подробностях о своем последнем сновидении и полученном послании, на что Гольдберг лишь недоуменно хмыкнул. А потом предложил запереться на все замки и сообщить в полицию, если вдруг начнет происходить что-то неладное. Инга пообещала держать его в курсе и перезвонить попозже вечером – на этом настоял Евгений, испытывая беспокойство за подругу.

Отключившись, Инга на всякий случай выглянула в окно и убедилась, что фээсбэшники на месте. Если что, можно набрать майору, свои контакты он оставил после первого допроса. Она порылась среди бумаг на письменном столе и отыскала заляпанную чайными пятнами визитку Рыльцева, вложила ее для надежности в кармашек футляра своего телефона.

А что вообще может случиться? Врагов у нее нет, да и красть в квартире практически нечего. Что может с ней произойти в ее собственном доме? Пожар? Взрыв бытового газа? Некая нелепая случайность, которая приведет к трагедии? Инга проверила все розетки и удлинитель в квартире, заглянула на всякий случай в электрический щиток, где ровным рядом выстроились четыре пробки-автомата, даже принялась, не пахнет ли паленой резиной. Квартира проверку на безопасность выдержала с блеском. Немного расслабившись, Инга оделась и отправилась прогуляться, а заодно посетить ближайший супермаркет, так как запасы продовольствия подходили к концу.

Вернулась домой ближе к вечеру. Над городом сгустились сумерки, холодный ветер гнал рваные серые тучи по стремительно темнеющему небу. Зажглись первые звезды, над крышами

домов зависла ущербная луна – бледная, неяркая, вполсилы сияющая с неприветливого небосклона.

Отягощенная четырьмя туго набитыми пластиковыми пакетами, Инга подошла к двери подъезда и попыталась открыть ее ногой, но в этот момент дверь распахнулась и навстречу вышла Тамара Сергеевна, добродушная пожилая женщина в длинном черном пальто и коричневой беретке. Она жила этажом ниже и была одной из немногих жительниц, с которыми Инга в этом доме общалась. Прочие соседи к контактам не располагали. Тамара Сергеевна придержала дверь, Инга, с улыбкой поблагодарив, вошла в подъезд и начала изнурительное восхождение на пятый этаж.

Войдя в квартиру, облегченно опустила покупки на пол прямо в прихожей. Жоська, сонно позевывая, пришла встретить хозяйку. Она подозрительно обнюхала пакеты и, убедившись, что про нее не забыли, направилась неспешной поступью в кухню, где принялась жалобно мяукать.

– Погоди ты... – проворчала Инга, сбрасывая туфли.

Сотовый зазвонил громко и требовательно, вырвал ее из раздумий. Она сняла куртку и достала из внутреннего кармана вибрирующий телефон; вскинула бровь, увидев на экране имя звонившего – Стефан Розенквист. Почему не дождался связи по скайпу? Это было так на него не похоже: рациональный и практичный, он избегал дорогих международных звонков, особенно когда имелась бесплатная альтернатива.

Инга нажала на зеленую кнопку и, приложив телефон к уху, сказала:

– Да, Стефан, здравствуй!

– Привет, Инга, – пробасил на том конце встревоженный голос. – Ты только не волнуйся, но у нас... у нас неприятности.

– Что стряслось?!

– Это касается Алекса...

Куртка выпала из внезапно ослабевших пальцев, Ингу качнуло, она прильнула спиной к стене. В висках застучало, в горле возник тяжелый липкий комок. Она кашлянула и, шумно сглотнув, выдавила с трудом:

– Что с ним?

– С ним все в порядке... думаю, но... – он замялся.

– Да не мямли ты, что с ним? – нетерпеливо вскричала Инга.

– Его забрали, – тяжело уронил Стефан.

На пару мгновений повисла тишина. Инга моргала, соображая.

– То есть? Кто? Как?

– Опека, – мрачно объяснил мужчина, – сегодня днем прямо из школы.

– Что?!

Инга медленно сползла по стене, схватилась за волосы. Дыхание перехватило, сердце заколотилось, как отбойный молоток.

– Как... – пролепетала она, – почему?

Стефан помолчал немного, тихо произнес:

– Вчера он подрался два раза – с Халедом, а потом с его другом... возмущенные родители примчались в школу, и директор немедленно сообщила в социалку.

Инга молчала. Стефан продолжал рассказывать:

– Сегодня пришли две женщины из опеки и полицейская в штатском, увели его прямо с уроков. Решение, как я понимаю, приняли незамедлительно. Я получил на руки постановление суда об изъятии ребенка, когда явился в школу после звонка от директора. Такие вещи здесь происходят быстро...

– Стефан! – заорала Инга, и голос ее захрипел больше обычного. – Мать твою, Стефан. Ты говорил, что держишь ситуацию под контролем. Я предлагала приехать, я...

– Инга, успокойся! – потребовал он. – Все случилось слишком быстро. Суды в особенных случаях выдают решения в течение нескольких часов. Была бы ты здесь, ты ничего не смогла бы изменить...

– Я не смогла бы? – вскричала Инга. – Не смогла бы? Ошибаешься, и я тебе это докажу. У меня билеты на четырнадцатое. Если получится, приеду раньше, а нет – приеду, как планировала, и тогда...

И тогда что? Инга запнулась, не зная, как закончить предложение. Но что-то же можно сделать: связаться с опекой, с судом, с адвокатами, не сидеть же сложа руки, главное – приехать.

– Приезжай, конечно, – сказал Стефан, – я завтра же с утра позвоню моему адвокату, подадим апелляцию.

Инга не удержала всхлип, спросила с дрожью в голосе:

– Где Алекс сейчас?

– Они не раскрывают сведений. Я успел за несколько минут до конца рабочего дня дозвониться до приемной отдела опеки в нашем муниципалитете, но они говорят, информация засекречена по причинам безопасности. Но, согласно общим инструкциям, изъятый ребенок помещают во временный детский дом, а потом начинают подыскивать приемную семью...

– Какую еще, на хрен, приемную семью? – вновь заорала Инга. – Это наш ребенок, Стефан! И у него уже есть семья, даже две!

– Кто спорит-то, – согласился он, – но, как я понял из полученного извещения, они полагают, что Алекс, несмотря на свой возраст, представляет угрозу для окружающих и для самого себя по причине, цитата, неверных ценностных установок, полученных в процессе воспитания.

– Что за бред?! Они с ума посходили!

– Возможно. Подозреваю, что к этой формулировке приложила руку школа, узнаю слог директора фру Трольбэкк. На одном из собеседований она мне сказала, очевидно со слов Хартман, что у Алекса отсутствует коммуникация с учителями, что он ничего им не рассказывает, не пытается просить помощи у взрослых в решении конфликтов, а предпочитает вместо этого использовать силу и устраивать драки.

– Иными словами, Алекс, по их мнению, виноват в том, что он, вместо того чтобы всякий раз жаловаться, решает конфликты сам? Так выходит?

– Получается, так.

Инга сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь взять себя в руки. Вытерла слезы и, опираясь о стену, поднялась на ноги.

– Он пытался, – чуть спокойнее заявила она и, прижав телефон плечом к уху, достала сигареты и закурила. – Он рассказывал, что говорил фрекен Хартман о напаках со стороны друзей Халеда, но эффект был нулевой. Школа не сделала ничего, чтобы защитить Алекса.

– Они, конечно, будут все отрицать, но мы обязательно укажем это в апелляции, – пообещал Стефан, но Инга, казалось, его не слышала и продолжала говорить:

– Он проявляет свою взрослость, Стефан, понимаешь? Взрослые ни у кого не просят помощи, взрослые решают конфликты сами – в его представлении. Он сделал то же самое.

– Только у опеки на этот счет другое мнение. Если мы скажем так, они решат, что мы оправдываем насилие с его стороны. Судя по формулировке в извещении и с учетом контекста событий, они уже так думают: что это мы привили ему так называемые неверные установки, то есть мы научили не жаловаться, а давать сдачи. Поэтому у нас его забрали – по мнению опеки, мы не в состоянии правильно воспитывать детей.

Инга замерла у окна, сделала глубокую затяжку и выдохнула струю дыма в открытую форточку. Вспомнился недавний разговор с Алексом. «Каждый человек должен уметь защищать себя». Этот нравственный императив помог ей в жизни, но привел к катастрофе жизнь сына, сломав ему детство и нанеся чудовищную душевную рану. Кого винить в этом теперь? Муниципальные власти, которые по крайней мере на словах уверены, что помогают ребенку,

изымая его из семьи? Или ее саму, которая предпочла быть честной со своим сыном? Получается, что тогда, во время того разговора, ей надо было лицемерить, лгать и отречься от собственных слов? Но он непременно просек бы ложь. Алекс аутист, но не дурак, сразу бы понял: мама ему лжет. Он и так был не лучшего мнения о ней, уверенный, что она уехала, стыдясь его диагноза. А поймал бы на лжи, вообще перестал бы уважать.

Докуренный до фильтра окурок ожег пальцы. Чертыхнувшись, она вышвырнула его в форточку и закурила новую сигарету.

Как ни крути, а она выходила виноватой: или в том, что солгала (если бы солгала), или в том, что осталась честна и тем самым подставила сына, научив поступать правильно. Без вариантов. Может, опека права и она в самом деле плохая мать? Да хрен вам, это не опека будет решать. Только Алекс имеет право судить, хорошая она мать или нет. Только он, и никто больше!

– Инга, ты там? – раздалось из телефона.

Она прокашлялась, загасила недокуренную сигарету.

– Здесь я, Стефан, здесь, – проговорила она почти спокойно, – прости, что наорала, не ты виноват в том, что произошло...

– Понимаю, Инга, все понимаю. Мы оба виноваты. – Он помолчал, потом неуверенно добавил: – Мы вернем Алекса. У меня состоялся короткий телефонный разговор с адвокатом, он сказал, что реакция социальных служб в этой ситуации выглядит необычно жесткой, он никогда не сталкивался ни с чем подобным.

– Почему так? – насторожилась Инга.

– Непонятно. Законы написаны таким образом, что многое, даже слишком многое, остается на совести руководителей отдела опеки и зависит от их суждений, убеждений и предположений. Проблема в том, что суды обычно охотно прислушиваются к их мнению.

– Суждения, убеждения. – Инга презрительно фыркнула и добавила с сарказмом: – Законы написаны удобно, вероятно, чтобы исполнительным органам не приходилось слишком обременять себя детальными разбирательствами.

– Ты не одинока в этих предположениях, здесь многие так считают. Но политики убеждены, что так лучше и так правильно.

– Фу, ненавижу лицемерие.

Инга затрясла головой, словно пыталась отряхнуться от чего-то гадкого, грязного. Стефан промолчал, возразить было нечего.

– Я приеду при первой возможности, – заверила его Инга. – Мы вытащим Алекса. С адвокатом или без. Не знаю как, но вытащим. Любой ценой. Постарайся найти место, где его держат, ну этот детдом, разузнай имена руководителей отдела опеки, которые принимали решение об изъятии. Необходимо побольше информации.

– Ты собираешься штурмовать интернат? – невесело усмехнулся он.

– Стефан, я не шучу. Я вытащу его любой ценой, повторяю. Мне бы только приехать...

– Да какие уж тут шутки. Приезжай как можно скорее, Инга. – Короткая пауза, потом: – Мне страшно, и... тебя очень не хватает.

Признание ошарашило, особенно из уст этого сдержанного и обычно бесстрастного человека, но, если призадуматься, его реакция была вполне объяснима. Да, он вроде бы не один, с ним Моника, которая помогает и заботится... но кто станет себе жопу рвать за чужого ребенка? На самом деле он там совсем один.

– Спокойной ночи, Инга.

– Ага, спокойной, как же! Откуда взяться покою... Ах, прости, и тебе тоже. До связи.

Инга отключилась и швырнула телефон на письменный стол.

Ее трясло. Она отправилась в ванную, встала перед раковиной и вывернула кран до упора. Принялась умываться ледяной водой, пока не заоченели ладони и кожа на щеках. Затем

выпрямилась, посмотрела на дверцу шкафчика. На нее из мира зазеркалья глядело осунувшееся костлявое лицо с сизыми мешками под красными глазами, с тонкими губами и узким острым подбородком. Волосы у лба и висков намокли, слиплись и встопорщились коричневыми стручками, по щекам бежали капли воды, смешанные со слезами.

Шанс в ближайшее время объясниться с сыном медленно уползал в небытие. Инга знавала, что попытка вернуть ребенка через суд, скорее всего, завершится неудачей, ведь в таких тяжбах суды чаще принимают сторону социальных служб. Поэтому если когда-то и удастся увидеть Алекса, то произойдет это в лучшем случае в присутствии представителей опеки. И как часто можно будет тогда видаться? Раз в месяц? Раз в квартал? В таких условиях и поговорить-то толком не получится, а что-то изменить в его отношении к ней и подавно. Ребенок так и будет думать, что мама его стыдится и поэтому бросила и уехала. Вырастет с этой мыслью, которая с годами из предположения и подозрения превратится в данность, в доказанный и не подлежащий сомнению факт.

Чью сторону примет шведский суд? Иностранной мамы, которая уехала от своего ребенка в Россию, но при этом продолжает втягивать в него неполиткорректные установки? Отца, который не сделал ничего, чтобы оградить ребенка от неприемлемого влияния? Или заботливых работников опеки, отважно и решительно избавивших ребенка от сомнительных, на их взгляд, моральных принципов, столь чуждых обществу, в котором ребенку расти и жить?

Другой матери, окажись она в этой ситуации, стало бы страшно. Дико страшно – сиреневые полоски отдыхают. Но Инга не чувствовала ничего, кроме тяжести в сердце, тревоги и отчаяния. Она потеряла сына во всех смыслах слова. Ей предстояло жить с чувством вины, как и Алексу – с убеждением, что родная мать считает его неполноценным. Этот статус-кво, по всей вероятности, уже не изменить.

– Сука! – хрипло выкрикнула она и с размаху ударила кулаком в зеркало напротив. Паутинка трещин разбежалась по стеклу. – Дура! – Еще удар, и на белую керамику умывальника закапало алым. – Уродка! – Третий удар пробил в дверце дыру, и острые осколки стекла вперемишку с кусками фанеры звонко осыпались в раковину.

– Хрен вам! – процедила Инга и уставилась широко раскрытыми глазами на окровавленные костяшки пальцев, словно они принадлежали другому человеку.

Три глубоких вдоха уняли бешено колотящееся сердце. Инга наскоро промыла несколько порезов, побрызгала в них мирамистином и тщательно перевязала руку. Едва затянув узелок бинта, она кинулась в гостиную, села за стол и включила компьютер.

Четверть часа поисков увенчались успехом: на завтрашнем рейсе авиалиний SAS до Стокгольма нашлось свободное место. Билет в один конец оказался почти в два раза дороже купленных заранее билетов туда-обратно на четырнадцатое. Но Инга без колебаний кликнула по кнопке «купить» и через несколько минут распечатала копию электронного билета.

Облегченно закурив, она вышла на балкон. В голове крутилась лишь одна мысль: я успею! Возможно, удастся все разрулить по горячим следам. Не исключено, что решение об изъятии носит временный характер, такое случается. В душе немного полегчало, захотелось даже, вопреки обыкновению, глотнуть чего-то крепенького. Выкинув окурочек, она вернулась в гостиную и бросила сигареты с зажигалкой на стол. Затем направилась в кухню, где в одном из шкафов хранилась бутылка с остатками армянского коньяка...

Раздался долгий, протяжный звонок в дверь. Инга замерла у порога, бросила быстрый взгляд на часы: десять минут десятого. Кого принесло в такое время?

Вместо кухни она зашагала в прихожую. Подошла к двери, прильнула к окуляру глазка и застыла. Сердце подпрыгнуло к горлу, дыхание перехватило. Только не это!

Инга щелкнула замком и распахнула дверь. У самого порога, засунув руки в карманы, триумфально ухмылялся майор Андрей Рыльцев, рядом переминался с ноги на ногу Апраксин. Позади них в бронежилетах и с автоматами наперевес стояли два бойца – высокий плечистый парень с бесстрастной физиономией Терминатора и угрюмая коренастая девушка, глядящая исподлобья.

– Добрый вечер, доктор Вяземская, – лениво прогнусавил Рыльцев.

Инга молча кивнула. Назвать вечер добрым у нее язык не поворачивался.

– Позвольте войти? – вежливо произнес капитан Апраксин.

– А у меня есть выбор? – буркнула Инга и отступила вглубь прихожей.

Четыре человека вошли в квартиру. Два бойца бесцеремонно прошествовали в гостиную, а оттуда в спальню и кухню, завернули даже на балкон, очевидно следуя приказу осмотреть помещение в поисках посторонних.

– Может, объясните? – Инга подняла возмущенный взгляд на майора. Тот взирал на нее сверху вниз, наглая победная ухмылка прилипла к его мясистым губам.

– Кажется, вы просили заключить вас в бронированную камеру? – начал Рыльцев с издёвочкой. – Похоже, у нас появилась возможность выполнить вашу просьбу, уважаемая Инга Юрьевна.

– Перестаньте паясничать! – жестко отрезала Инга. – Что вам надо?

Майор посерьезнел, достал из-за пазухи свернутую в трубку пластиковую папку со стопкой бумаг, потряс ею в воздухе.

– Здесь – результаты расследования, – грозно изрек он. – Вы по-прежнему утверждаете, что из всех жертв были знакомы лишь с Ириной Орловой, тещей вашего друга, с Алексеем Роговым, следователем угрозыска, и с Дмитрием Мирошниченко, вашим сотрудником? Я имею в виду, знакомы до начала серии кошмарных сновидений, приведших к их смертям?

– Да, – с некоторым удивлением ответила Инга, – Буковского и Шипулина я узнала лишь после того, как они обратились в наш институт с жалобами на нарушения сна. Остальных не знала вовсе. Я ж все рассказала.

Рыльцев и Апраксин переглянулись. Майор вздохнул и посмотрел исподлобья на стоящую перед ним женщину, а затем неторопливо достал из папки первый лист и начал читать вслух. Тон его сделался официально-номенклатурным:

– В результате проведенных следственных мероприятий в отношении связей гражданки Вяземской И.Ю. удалось установить следующее...

Оторвавшись от бумажки, он бросил мимолетный взгляд на Ингу – та не сводила с него внимательных глаз, вслушиваясь в каждое слово. По его лицу пробежала тень, он вернул лист в папку и спрятал ее обратно во внутренний карман пиджака, затем сказал другим тоном:

– Короче говоря, доктор, вы лжете.

– Что?! – Инга уперла кулаки в бока, задышала тяжело.

– Мы установили, – продолжил майор, – что первой жертвой кошмаров оказался пожилой мужчина Серж Ашотович Григорян, возраста семидесяти пяти лет. Это имя вам ничего не говорит?

Инга в недоумении покачала головой, но призадумалась, порылась в памяти. И снова покачала, теперь уже увереннее.

– Кто это? – спросила она прямо. – Я должна его знать?

– Если честно, могли и забыть, – уступил майор, – но не знать его вы не могли. Вспомните, как звали вашего учителя географии?

Инга нервно дернула плечами.

– Серж Ашотович Григорян, – ответил за нее Рыльцев.

Инга сложила руки на груди, попыталась припомнить школьные годы. Некоторые из учителей вспоминались легко и сразу, другие всплывали медленно и с трудом, а какие-то забылись вовсе. Чернявый преподаватель с огромным шишом и легким акцентом... да, вроде был такой, но вспомнить отчетливо не получалось, черты лица и имя терялись в тумане нескольких десятилетий.

– Это точно? – недоверчиво переспросила она.

– Абсолютно! – твердо ответил Апраксин. – Лично проверял. Скончавшийся от инфаркта и мучавшийся кошмарами Григорян с тысяча девятьсот восемьдесят шестого по девяносто седьмой преподавал географию в школе номер восемь, той самой, где учились вы. Это был ваш учитель географии.

– Возможно, – признала Инга, – но я его совершенно не помню.

– Допустим, – великодушно согласился Рыльцев, – лет прошло немало. Давайте теперь взглянем на других жертв. Вам знакомо имя Оксаны Валерьевны Синицыной? Молодая девушка, студентка, зарезалась ножницами во сне.

Инга напряглась и отвела глаза, имя в самом деле было знакомым, но откуда она могла ее знать? Майор умело выдержал паузу, накаляя обстановку, словно опытный конференсье перед выходом на сцену гвоздя программы.

– Не припоминаете? – лукаво полюбопытствовал он.

– Нет... вроде, – смущенно ответила Инга, – но имя и правда знакомо.

– Еще бы! Она лечилась у вас от апноэ в две тысячи семнадцатом, с мая по октябрь. Вот ее фото.

Апраксин по кивку майора достал из кармана фотографию десять на пятнадцать и протянул Инге. Та взглядела. Кукольная мордашка в обрамлении золотых кудрей, вздернутый носик, большие голубые глаза – теперь она ее узнала. Девушка, на тот момент учащаяся первого курса медуниверситета, приходила к ней на прием вместе с мамой, жаловалась на периодическую бессонницу, апноэ, храп. После двух встреч с сомнологом пациентка прошла серию обследований, включая несколько сеансов полисомнографии и прочих диагностических мероприятий, которые обычно предписывается проводить в подобных случаях.

– Что скажете? – майор заглянул Инге в глаза, даже голову наклонил.

Она растерянно развела руками и кивнула.

– Получается, знала... И что?

Этот разговор на ногах в прихожей начинал утомлять. Два бойца спецназа, завершив осмотр квартиры, вернулись в исходную точку и замерли истуканами, не сводя пристальных взоров с маленькой женщины, зажатой у стены между высокими фигурами майора и капитана.

– Это еще не все, доктор, – зло прищурился Рыльцев, – теперь поговорим о Шипулине и Буковском.

– А с ними-то что? Сейчас вы скажете, что я и их знала до всех событий? – в голосе Инги зазвучало возмущение вместе с сарказмом. Смысл раскрываемых перед ней фактов постепенно вкрадывался в сознание.

– Именно так и скажу! – майор с энтузиазмом закивал. – Шипулин был вашим соседом.

– Я догадалась об этом, когда прочла его регистрационную карточку, – объяснила Инга, вспомнив интервью с несчастным пациентом. – Но я с ним не была знакома. Возможно, случайно пересекались в окрестностях дома, но я этого не помню.

– Предположим. И наконец, Буковский, – Рыльцев засунул руки в карманы. Его большое круглое лицо светилось торжеством, он явно смаковал момент.

– Ну? – поторопила его Инга и сама напряглась, чувствуя, что у нее закружилась голова.

– Установлено со всей достоверностью, что с Олегом Буковским вы учились в параллельных классах, со второго по четвертый, и в течение этих же двух лет даже были соседями по лестничной площадке.

Инга открыла рот, но выдать ничего не смогла. Тупо уставилась в серый майоров галстук, словно пыталась отыскать в его мелком, едва различимом узоре решение безумной головоломки, которой Рыльцев ее озадачил.

– Вы... э-э... вы уверены? – Инга подняла на него ошеломленный взгляд.

– Ни малейших сомнений, – опять встрял капитан, – этим занимался тоже я, лично. Архивы, документы, беседы с родственниками – все сходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.